

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
НАЧАЛЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ
ОТНОШЕНІЙ

ВЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ

РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,

СОЧИНЕНІЕ

А. Станиславскаго.

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дувровина.

1855.

Дечатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по дитчатаніи представле-
но было въ Ценсурный Комитеть узаконенное число экземпляровъ.
Москва, 1885 г. Октября 9 дня.

Ценсоръ *М. Похвисневъ.*

Въ типографіи университетѣ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ НАЧАЛЪ ОГРАЖДЕНІЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

ВЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ РУССКАГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Немногочисленные дѣлатели на пользу русской юридической литературы въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ обратились преимущественно, чтобы не сказать исключительно, къ изслѣдованію древняго юридическаго быта, въ историческомъ его развитіи, а не къ тѣмъ, разумеется, къ разработкѣ древнѣйшихъ памятниковъ законодательства и соблюденію въ связи съ ними актовъ маститой старини. Явленіе это безошибочно можно назвать весьма утѣшительнымъ признакомъ, рѣшающимся за прекрасную будущность ученой разработки права въ Россіи; ибо неоспоримо, что законодѣлнію, которая исходною точкою была исторія, будетъ всегда имѣть за собою одно важное преимущество — основательность. Но чему приписать, чѣмъ объяснить это явленіе?

Хотя бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, при личномъ обзорѣнн университетовъ, и въ особенности Московскаго¹⁾, не рѣлъ высказывать мысль о необходимости исторической методѣ въ раскрытіи юридическихъ наукъ, нельзя однако утверждать, что господствующее въ настоящее время историческое направленіе въ изученіи русскаго законодательства

¹⁾ Рейна Опытъ исторіи рос. госуд. гражд. законовъ, перев. Морошкина, Москва 1836 г. См. посвященіе и предисловіе переводчика.

есть прямое послѣдствіе этой благой мысли. Едва-ли можно допустить и то, что всѣ, слѣдующіе этому направленію, объединены общимъ сознаніемъ необходимости дѣлать такъ, а не иначе. Допустить это—значило бы тоже самое, что призвать существованіе исторической школы законовѣдѣнія; но, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не думалъ дать такое значеніе современной дѣятельности русскихъ законовѣдѣвъ.

Я готовъ скорѣе видѣть въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, таинственное сочетаніе воли и необходимости. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ предпринимавшихъ какой-либо трудъ для уясненія того или другого вопроса, въ историческомъ его развитіи, выбиралъ себѣ и самый предметъ, и способъ его разработки, по своему усмотрѣнію или желанію, потому-что онъ находилъ болѣе удовольствія въ изысканіи историческомъ, нежели въ какомъ-либо другомъ. Но въ тоже время надъ каждымъ тяготѣла, быть можетъ, необходимость искать удовольствія въ прошедшемъ, заниматься исторіею своего предмета. Это мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ и я вижу эту необходимость въ томъ дивномъ, почти безошибочномъ инстинктѣ, которому повинуюсь безотчетно, люди славянскаго племени попадали не разъ и не въ одномъ обстоятельствѣ на самую вѣрную точку зрѣнія и дѣйствія. Кому догадка моя покажется странною, тотъ можетъ замѣнить ее другою, лучшею и болѣе убѣдительною; но думаю по крайней мѣрѣ, что никто не станетъ оспаривать дѣйствительность самаго явленія, по поводу котораго догадка эта высказана, — явленія, столь уже богатаго послѣдствіями¹⁾. Какъ бы то ни было, и я съ своей стороны, частію удовлетворяя собственному желанію, частію повинуюсь, можетъ быть, инстинктивно необходимости, занимаюсь иногда изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства, преимущественно Русской Правды; въ особенноти съ того времени, какъ г. Калачовъ представилъ ученому свѣту, въ капитальной трудѣ своемъ, систематическое и по возможности полное изданіе текста этого драгоценнѣйшаго памятника, основанное на слѣченіи 50 раз-

¹⁾ Не мѣсто здѣсь указывать на сочиненія историческаго содержания въ русской юридической литературѣ: всѣ они указаны, между прочимъ, въ позднѣйшемъ изъ нихъ, а именно въ разсужденіи г. Пахмана о судебныхъ доказательствахъ, по древнему русскому праву, Москва, 1851, не говоря уже объ исторіи рос. гражд. законовъ, Неволина Спб. 1851 г. 3 т.

личныхъ списковъ¹⁾. При чтеніи этого текста, равно какъ и договоровъ Олега и Игоря съ Греками, часто и невольно вниманіе мое останавливалось на тѣхъ довольно многочисленныхъ постановленіяхъ и отрывкахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ опредѣленіи и огражденіи имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ. Мнѣ казалось, что въ нихъ проглядываетъ особенная заботливость объ обезпеченіи благосостоянія, я видѣлъ, или по крайней мѣрѣ думалъ видѣть, въ нихъ развитіи извѣстную постепенность, въ ихъ совокупности единство и систему. Наконецъ мнѣ захотѣлось повѣрить свои предположенія и при этомъ я преимущественно обратилъ вниманіе на мѣры огражденія имущественныхъ отношеній, давъ имъ впрочемъ значеніе довольно обширное и поставивъ ихъ въ связи съ древнѣйшимъ судопроизводствомъ гражданскимъ, которое, какъ справедливо замѣчаетъ Цахманъ²⁾, сдѣлалось особливимъ предметомъ историческихъ изслѣдованій, результатами которыхъ были уже замѣчательныя сочиненія Калачова, Куницына, Кавелина, Михайлова и другихъ³⁾.

Безъ притязаній на какую либо заслугу въ разработкѣ историческихъ матеріаловъ древнѣйшаго русскаго законодательства, предлагаю здѣсь, въ безискусственной оболочкѣ, мое изслѣдованіе о мѣрахъ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ, ограничивающееся договорами Олега (912) и Игоря (945) съ Греками, и Русскою Правдою.

Оба договора, не смотря на то, что заключены были различными князьями, при различныхъ обстоятельствахъ и въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи времени, должны быть, по мнѣнію Эверса⁴⁾, разсматриваемы какъ нѣчто цѣлое: именно первый изъ нихъ надобно считать какъ бы договоромъ главнымъ, второй—только дополненіемъ его. Въ это дополненіе внесены были и нѣкоторые измѣненія началъ «Олегова договора», выгодныя для Грековъ, которые, какъ извѣстно, пользовались при заключеніи договора съ Игоремъ правомъ побѣдителей. Въ обоихъ договорахъ, какъ я уже замѣтилъ, и въ особенности въ первомъ изъ нихъ, явно обнаруживается желаніе обезпечить личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ, поданныхъ обѣимъ договаривающимся сторонамъ. Изъ одиннадцати статей Олегова договора, одна только, именно послѣдняя, въ которой рѣчь идетъ о выдачѣ преступни-

¹⁾ Калачова, предварительныя изслѣдованія о Русской Правдѣ, Москва, 1846, 4°.

²⁾ Цахмана разсуд. о суд. док. Москва 1851 г., введеніе.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Ewers d. ält. R. d. R. S. 118 ff.

ковъ, совершившихъ преступленія въ своемъ отечествѣ и бѣжавшихъ въ предѣлы другого государства, имѣть въ виду выгоды обѣихъ договаривающихся державъ; остальные всѣ направлены на обезпеченіе отношеній частныхъ. Съ самаго начала (ст. I) Руссы и Греки общаются другъ другу миръ и вѣчную дружбу; за тѣмъ (ст. II) опредѣляется общій порядокъ судебного разбирательства, въ случаѣ преступленія, нарушающаго эту дружбу, съ той или другой стороны; далѣе (ст. III) устанавливаются наказанія за смертоубійство, также (ст. IV) за раны и побои. Эти первыя четыре статьи имѣютъ въ виду обезпеченіе личныхъ отношеній Руссовъ и Грековъ, равно какъ и ст. VIII, въ которой говорится о выдачѣ плѣнныхъ и вообще невольниковъ. Остальныя за тѣмъ пять статей Олегова договора, именно V, VI, VII, IX и X, направлены исключительно на огражденіе имущественныхъ отношеній гражданъ договаривающихся сторонъ, и на нихъ преимущественно должны мы обратить вниманіе.

Вникая въ содержаніе этихъ статей, мы убѣждаемся, что участники договора имѣли въ виду всестороннее обезпеченіе права собственности и старались защитить ее не только отъ похищенія тайнаго или явнаго, но также отъ подлога и обмана, и даже отъ случайныхъ несчастій.

Прежде всего (ст. V) устанавливаются мѣры огражденія права собственности отъ тайнаго ея похищенія, или наказанія за воровство¹⁾. Изъ сего заключить можно, что этотъ видъ нарушенія имущественныхъ отношеній чаще другихъ встрѣчался, а строгость по отношенію къ нарушителю заставляеть думать, что воровство считалось тогда преступленіемъ, равнымъ почти убійству. Текстъ этой статьи приведенъ Эверсомъ²⁾ изъ Нестора, сличеннаго Шлѣцеромъ, въ слѣдующихъ словахъ:

«Аще украдетъ что Русикъ либо у хресъдѣлника, или пакы хресъстѣлникъ у Русима, и тѣмъ будетъ отъ тѣмъ часть тѣмъ, егда тѣмъбу «сотворитъ, отъ поубиешаго что либо; аще приотоситъ тѣмъ «теорлѣ и убьенъ будетъ—да не езыщется смерть его ни отъ хресъстѣлнѣ; ни отъ Руси, но паче да возметъ свое, или поубилъ.— «Аще дастъ ручь своею украдыи, да дѣтъ будетъ тѣмъ же, у него же»

¹⁾ Справ. Ewers, d. ält. R. d. R. S. 146—152. Rakowiecki Prawda Russka. Warszawa. T. II. 1822 г., стр. 5.

²⁾ Эверса древнѣйшее право Руссовъ, переводъ Платонова, Спб. 1835, стр. 169. См. также E. S. Tobien: Die ältesten Tractate Russlands, I. 1844. Dorpat, стр. 30.

«будет украдено, и сязавъ будетъ, отдасть тотъ, есже смь сотеорити (и сотеорити шричій о семъ)»¹⁾.

Эверсъ переводить эту статью такъ: *есжели Русикъ украдетъ что либо у христіанина, или христіаникъ у Русина, и будетъ пойманъ въ то самое время, (когда дѣлаетъ покражу), тѣмъ, который лишился чего либо (т. е. украденной вещи), и есжели украшій приотвѣститъ (къ сопротивленію) и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ, ни отъ Руси, но да возметъ обратно свое тотъ, кто потерялъ убытокъ. Но есжели тотъ, кто укралъ, отдастъ въ руки, то да будетъ онъ взытъ тѣмъ, у кою укралъ, да будетъ сязавъ и да воздастъ за то, что сотеорилъ.*

Отдавая должную справедливость остроумію знаменитаго исследователя древнѣйшаго русскаго права, я долженъ однако сказать, что переводъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкованіе, этой статьи Олегова договора мнѣ кажется не совсѣмъ удовлетворительнымъ. По мнѣнію Эверса выраженіе: *«аще приотвѣститъ тать творилъ»*, надобно понимать такъ, какъ если бы здѣсь было написано: *аще приотвѣститъ къ сопротивленію татьбу сотеорившій*; потому-что въ слѣдующемъ за тѣмъ положеніи говорится о ворѣ, который сдается безъ сопротивленія. Толкованіе это, выведенное чрезъ противоположеніе одного правила другому, кажется, нѣсколько натянуто. Хотя конечно составители договора явнымъ образомъ имѣли въ виду, при постановленіи втораго правила, тотъ случай, когда воръ сдается на милость застигнушаго его ховянина; но изъ словъ *«аще приотвѣститъ тать творилъ»* нельзя безнорно заключить, что въ первомъ изъ этихъ правилъ рѣчь идетъ о ворѣ, представляющемъ сопротивленіе. Чтобы словамъ этимъ придать такой смыслъ, надобно, во первыхъ, подразумѣвать послѣ слова *«приотвѣститъ»* слова *къ сопротивленію*, во вторыхъ, надобно выраженіе *«тать творилъ»* замѣнить словами *татьбу сотеорившій*,—что едва-ли возможно. По моему убѣжденію, выраженіе: *«аще приотвѣститъ тать творилъ»*, въ связи съ предшествующими словами, представляетъ довольно ясный смыслъ и указываетъ именно на тотъ случай, когда воръ готовится уже къ совершенію преступленія, но не успѣлъ этого сдѣлать, бывъ застигнутъ ховяинномъ. Позволяю себѣ представить здѣсь переводъ цѣлой статьи, какъ я ее понимаю. *Есжели украдетъ что либо Русикъ у христіанина или христіаникъ у Русина, и воръ*

---

¹⁾ Послѣднія слова, заключенныя въ скобки, находятся, по свидѣтельствамъ Эверса и Тобиана, въ одномъ только спискѣ.

поймать будетъ въ тотъ самый часъ, когда совершилъ ¹⁾ воровство, тѣмъ, кто лишился чего-либо (т. е. хозяиномъ украденной вещи), или же когда воръ приготовился совершить кражу, и будетъ убитъ, то ни христіане, ни Руссы не должны искать въ смерти его, но еще кромѣ того потерпѣвшій убытокъ долженъ получить и мщество свое обратно. Если же укравшій дастъ руки свои ²⁾, то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что смѣлъ совершить ³⁾.

И такъ, по моему мнѣнію, эта статья договора не только опредѣляетъ правила, какъ поступать должно съ воромъ, который не сдается на милость застигнутого его хозяина, и съ тѣмъ, который, повинится, но также въ ней есть намекъ на преступленіе уже совершенное (*delictum consummatum*) и покушеніе къ оному (*delictum attentatum*) ⁴⁾. Впрочемъ и то, и другое подвергаются одинаковому наказанію, если только убійство вора, застигнутого на мѣстѣ преступленія, можно назвать наказаніемъ. Мы не станемъ удивляться тому, что въ рассматриваемомъ нами постановленіи не дѣлается различія между воровствомъ, уже совершеннымъ, и покушеніемъ на оное, ежели вспомнимъ, что древнѣйшее право Руссовъ и права другихъ народовъ, на той же ступени развитія стоящихъ, не различаютъ даже убійства умышленнаго отъ случайнаго, подвергая и то, и другое кровной мести ⁵⁾. Замѣтимъ притомъ, что въ разбираемомъ нами постановленіи не обращено также вниманія на различную цѣнность вещей; по-этому надобно предполагать, что и тотъ, кто краде вещь высокой цѣны, и тотъ, кто похищалъ бездѣлицу, подвергались равной участи. Такова стро-

¹⁾ Эверсъ пишетъ: «*da er den Diebstahl verübt*» (когда онъ творитъ кражу), между тѣмъ въ подлинникѣ читаемъ: «*ei da tambyu so-tvoritъ*»; здѣсь глаголъ вида опредѣленнаго указываетъ на дѣйствіе, уже совершенное.

²⁾ Какъ бы для того, чтобы онъ были связаны, т. е. когда воръ повинится. Эверсъ переводитъ такъ: «*Wenn aber der, welcher ge-stohlen hat, sich in die Hand giebt*».

³⁾ Последнія выраженія напоминаютъ постановленія законовъ XII таблицъ о несостоятельномъ должникѣ: — сходство, конечно совершенно случайное, потому-что и Греки уже не могли руководствоваться этими законами.

⁴⁾ Издатель позволяетъ себѣ однакожъ замѣтить, что при такомъ объясненіи первой половины статьи опредѣленіе участи вора не будетъ сообразно съ назначеннымъ въ слѣдующей статьѣ легкимъ наказаніемъ за насильственное отнятіе вещи.

⁵⁾ Сравн. Ewers, d. ält. R. d. R. S. 139.

гость древнѣйшаго закона,—строгость, доказывающая очень ясно, какъ сильно было желаніе людей того времени обезпечить жестокостію наказанія неприкосновенность частной собственности. Что касается до права, предоставляемаго хозяину вещи, убить вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, въ томъ случаѣ, когда онъ не сдавался на милость, то весьма справедливо замѣчаетъ Эверсъ¹⁾, что право это гораздо ближе подходитъ къ понятіямъ русскаго законодательства, нежели греческаго: подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ, что подобное же постановленіе встрѣчается и въ Русской Правдѣ, и въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю и Готландією (о чемъ буду имѣть случай говорить ниже), съ тою только разницею, что, по смыслу Правды, не каждое воровство, а только кража нѣкоторыхъ предметовъ, могло подать поводъ къ примѣненію этого права.

Касательно правила о томъ, какому наказанію подвергался воръ, сдавшійся на милость, то здѣсь опять представляется сомнѣніе, какъ надобно понимать: «*отдасть тое, еже смь сотворити*». Въ одномъ спискѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, спискѣ прочемъ, по словамъ Эверса, исполненномъ позднѣйшихъ вставокъ, прибавлено къ этимъ словамъ выраженіе «*и сотворитъ тричій о сеамъ*». Изъ этихъ послѣднихъ словъ надо бы было предполагать, что воръ, пойманный и связанный, какъ выражается законъ, обязанъ быть хозяину вещи, которую онъ намѣревался украсть, заплатить тройную ея цѣну. Такое правило, если оно дѣйствительно и существовало, могло быть развѣ внесено въ договоръ изъ греко-римскаго права, но не было кореннымъ закономъ Руссовъ, какъ это весьма обфрумно доказываетъ Эверсъ²⁾. По мнѣнію этого ученаго выраженіе: «*отдасть тое, еже смь сотворити*», безъ позднѣйшаго къ нему прибавленія, не значитъ, что воръ обязанъ быть заплатить только цѣну украденной вещи, но что онъ, сдавшись на милость хозяина, который иначе могъ бы убить его, обезпечивалъ такимъ образомъ жизнь свою, но за то вполнѣ подчинялся требованіямъ пойманшаго его хозяина и долженъ былъ удовлетворить его за нанесенные ущербъ и обиду, по усмотрѣнію послѣдняго. Мнѣніе это тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что, если допустить это предположеніе, устанавливается нѣкоторая постепенность въ наказаніяхъ вора не сдающагося и вора сдавшагося, между тѣмъ какъ если думать, что сдавшійся воръ долженъ былъ только за-

¹⁾ Тамъ же, стр. 147 и 148.

²⁾ Тамъ же, стр. 148: Сравни также Рейда опытъ, переводъ Мо-рошкина, стр. 61. прим. 1.

платить цѣну украденной вещи, то взысканіе это было бы слишкомъ слабо въ сравненіи съ наказаніемъ вора, не сдѣлающагося на милость. Конечно можно замѣтить, что ежели не была установлена мѣра вознагражденія со стороны вора, то такимъ образомъ хозяину украденной вещи предоставляется слишкомъ большой произволъ: но самая эта неопредѣленность есть, можетъ быть, именно вѣрнѣйшій признакъ древности этого постановленія. Мы знаемъ, что и гораздо позже сего въ подобномъ же положеніи по опредѣленіямъ русскаго законодательства находились иногда даже не воры, а несостоятельные должники.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей статьѣ Олегова договора, опредѣляющей мѣру наказанія за насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ. Вотъ текстъ этой статьи изъ Нестора, слыченнаго Шлецеромъ¹⁾.

«Аще кто отъ хрестьянъ или отъ Руси мученъа образомъ искъсѣ теоритъ и насильемъ лѣвъ возметъ что любо дружию, да «вспаити» тройче».

Текстъ этотъ представляетъ также нѣкоторыя затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ изслѣдователи древняго русскаго права несогласны между собою. Раковецкій переводитъ эту статью такъ:²⁾

«Если Русинъ или христіанинъ, подѣ предлоломъ исканія пропащенной вещи, войдетъ въ чужою домъ, и насильственно и лѣво возметъ чужую вещь, то долженъ будетъ заплатить за нее втрое».

Изъ перевода этого видно, что Раковецкій совершенно упустилъ изъ виду слова подлинника: «мученъа образомъ», быть можетъ, потому, что они представлялись ему неудобопонятными, слово же «искъсѣ» принявъ онъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто-бы оно означало отыскиваніе чего-нибудь; наконецъ онъ совершенно произвольно вставилъ въ переводъ свой выраженіе: *подѣ предлоломъ исканія пропащенной вещи, войдетъ въ чужою домъ*. И такъ переводъ, или скорѣе толкованіе, Раковецкаго вовсе неудовлетворителенъ, тѣмъ болѣе, что онъ не позаботился даже чѣмъ-нибудь оправдать свои догадки.

Эверсъ, съ своей стороны, предлагаетъ слѣдующій переводъ разсматриваемой статьи Олегова договора: *«Wenn ein Russe von einem Christen, oder ein Christ von einem Russen mit Zwang (мучение) den Versuch macht, so muss er es dreifach ersetzen»*³⁾.

¹⁾ Эверса древ. право Руссовъ, переводъ Платонова, стр. 170.

Тобина Tractate, тамъ же.

²⁾ Prawda Russka. т. II, стр. 5.

³⁾ Das ält. R. d. R. S. 147.

Переводчикъ же Эверса слова подлинника передаетъ такъ: «если кто изъ христіанъ или Руссовъ покусится на насиліе и возьметъ что-нибудь у другого лено силою, да воздастъ за то «строгъ»¹⁾».

И такъ Эверсъ и переводчикъ его слово *искусъ* принимаютъ въ смыслѣ *покушенія*, предшествующее же ему слово *мученье* одинъ переводитъ словомъ *принужденіе* (*Zwang*), другой словомъ *насиліе*. Такой переводъ и толкованіе мнѣ кажутся неудовлетворительными, потому-что они явно измѣняютъ значеніе словъ подлинника и стараются придать имъ такой смыслъ, какой нуженъ былъ переводчикамъ, слѣдовательно смыслъ, отчасти по крайней мѣрѣ произвольный. Позволю себѣ опять предложить здѣсь мое мнѣніе о значеніи разсматриваемой статьи. Что касается до словъ: *мученье* и *искусъ*, которыя представляютъ по-видимому самое большое затрудненіе для истолкованія смысла цѣлаго текста, то я оставляю имъ ихъ настоящее значеніе: именно подъ словомъ *мученье* я понимаю *муку* или *истязаніе*, слово же *искусъ* значить по моему мнѣнію *искушеніе*, *пытаніе*, *допрашиваніе*. Послѣ того, мнѣ кажется, разсматриваемый текстъ можно перевести такъ: *Еслили кто изъ христіанъ или изъ Руссовъ, посредствомъ мученья или истязанія («мученья образомъ»), будетъ допрашивать (т. е. пытатъ или искушать, подразумевается, хозяина дома) и лено насильемъ возьметъ что-нибудь чужое, то долженъ будетъ сдѣлать тройное вознагражденіе*. И дѣйствительно, нельзя ли предположить, что при установленіи этого правила имѣли въ виду такой же случай, какой черѣдко встрѣчается и въ настоящее время: что разбойникъ, забравшись въ домъ, разнаго рода вѣстязаніями выпытываетъ у хозяина о мѣстѣ, гдѣ хранятся егѣ деньги или другія цѣнныя вещи, и потомъ завладѣваетъ ими явно насильственнымъ образомъ?

Что касается до наказанія за насильственное завладѣніе чужою собственностію, наказанія, состоявшаго въ томъ, что грабитель долженъ былъ заплатить втрое нанесенный имъ убытокъ, то, хотя Эверсъ думаетъ, что оно могло вытекать и изъ началъ древнѣйшаго русскаго права, однакожь другая догадка его мнѣ кажется болѣе правдоподобною. Весьма вѣроятно, что правило, установившее это тройное вознагражденіе, заимствовано было по вліянію Грековъ, участвовавшихъ въ договорѣ, изъ римскаго права, именно изъ *actio vi bonorum raptorum*²⁾. Хотя *actio vi bonorum raptorum* требуетъ четвертнаго вознагражденія (*in quadruplum restitutio*), «д-

¹⁾ Эверса древн. пр. Р., стр. 170.

²⁾ Тамъ же, стр. 152. прим. 21.

накожь это различіе въ мѣрахъ вознагражденія нельзя считать важнымъ аргументомъ для опроверженія догадки Эверса; потому-что Греки, вводя въ составъ договора правило, заимствованное изъ началъ римскаго права, могли притомъ сдѣлать нѣкоторую уступку Руссамъ, по неизвѣстнымъ для насъ теперь побужденіямъ.

Разсмотрѣвъ мѣры огражденія собственности отъ тайнаго похищенія и насильственнаго ея завладѣнія, обратимся теперь къ той статьѣ Олегова договора (ст. IX), въ которой, по моему убѣжденію, рѣчь идетъ о присвоеніи чужой собственности посредствомъ подлога.

Замѣчу съ самаго начала, что въ этой статьѣ говорится объ одномъ только предметѣ собственности, именно о челлдинахъ или невольникахъ, но правила, здѣсь постановленныя, легко могли быть приимѣяемы и къ другимъ вещамъ.

Текстъ этой статьи таковъ:

«Аще украдеши будеть челлдинъ русскій или ускочитъ, или по амуши продаши будеть, а осаловати начнутъ Русь, покажется таковое отъ челлдина, и да помрутъ въ Русь. Но и юстие полюбшии «челлдинъ и осалуютъ, да ищутъ, обретше да помрутъ е. Аще ли кто ислухилъ сего не дастъ сотворити, местиши да поубиши «правду свою»¹⁾»

Смыслъ этой статьи, за исключеніемъ послѣдняго положенія, совершенно ясенъ. Хозяинъ украденнаго, бѣжавшаго или по принужденію проданнаго раба могъ жаловаться (вѣроятно мѣстному начальству) и искать его, отыскавъ же, взять обратно, въ особенности ежели самъ рабъ покажетъ, какимъ изъ означенныхъ противозаконныхъ способовъ онъ перешелъ во владѣніе другого лица. Правило это по всей вѣроятности почерпнуто изъ началъ русскаго права, потому-что и потомъ въ Русской Правдѣ и даже въ позднѣйшихъ постановленіяхъ владѣльцу раба предоставлено было право отыскивать его вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ и, отыскавъ, взять его себѣ. Замѣчательно, что здѣсь не опредѣлено никакого наказанія тому, кто противозаконно завладѣлъ чужимъ рабомъ; требуется только, чтобы рабъ былъ возвращенъ хозяину его. Это можно, кажется, объяснить тѣмъ, что хозяинъ, который позволялъ у себя урасть раба или допустилъ его бѣжать, или который согласился противу собственнаго желанія продать его другому, самъ какъ-будто оказывался виновнымъ въ оплошности и слабости, а потому, хотя и дозволялось ему отыскивать вездѣ своего раба, но

¹⁾ Тамъ же, стр. 178. Тобина Tractate, стр. 36.

онъ не имѣлъ права требовать для себя особеннаго еще какого нибудь вознагражденія.

Что касается до послѣдняго положенія разсматриваемой статьи: «*еще ли кто искушенья сею не дастъ сотворити, мстникъ да поубити правду свою*», то мнѣ кажется весьма труднымъ его истолковать. Раковецкій¹⁾, скользя, такъ сказать, надъ встрѣчающимися ему трудностями, такъ переводитъ эти слова: *если бы кто-либо сталъ противиться такому поиску, то признанъ будетъ виновнымъ*. Ясно, что слова: «*мстникъ да поубити правду свою*» остались для Раковецкаго совершенно неразгаданными.

Эверсъ предлагаетъ слѣдующее ихъ толкованіе: «*Der Rächer (мстникъ) ist offenbar nach russischen Begriffen der nächste Verwandte, der das erchlagent oder gemisshandelte Familien-Glied rächen musste. Nach griechischen Begriffen konnte hierunter nur die Obrigkeit verstanden werden, die bei den Griechen in die Stelle des Privat-Rächers getreten war, wenn man nicht lieber auch hier nur denjenigen darunter verstehen will, der für die einem anderen (Griechen) zugefügte Beleidigung Recht fordern konnte, sey es nun die Familie, oder der öffentliche Beamte. Der Sinn ist in beiden Fällen: wer die Nachsuchung hindert, ist rechtlos. Widerfährt ihm deshalb ein Uebel, so darf er nicht gerächt, d. h. es darf dafür kein rechtlicher Ersatz gefordert werden. Also war hier noch, im Fall der verwehrten Nachsuchung, Selbsthilfe jeder Art erlaubt.* (Das ält. R. d. R. S. 154 und 155). Хотя это толкованіе можетъ еще оставлять за собою нѣкоторыя сомнѣнія, но не имѣя средствъ къ болѣе удовлетворительному изъясненію словъ: «*мстникъ да поубити правду свою*», мы должны покуда удовольствоваться тѣмъ, которое предлагаетъ намъ Эверсъ.²⁾

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей Олегаго договора, въ которыхъ, какъ я старался показать, изложены мѣры огражденія собственности отъ тайнаго и насильственнаго ея похищенія, а также отъ неправильнаго завладѣнія вообще, въ этомъ же памятникѣ находимъ и такія статьи, которыя, какъ я думаю, явно доказываютъ заботливость обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ, объ охраненіи ихъ имуществъ отъ губительнаго вліянія несчастныхъ случаевъ. Въ договорѣ Олега предусмотрѣны преимущественно два изъ такихъ несчастныхъ случаевъ, именно кораблекрушеніе (ст. VII) и смерть владѣльца (ст. X). О первомъ изъ нихъ

¹⁾ Rakowiecki, Prawda Russka. т. II, стр. 6.

²⁾ Ср. Тобина Tractate, стр. 36. Тамъ читаемъ: «*еще ли кто искушенья тою не дастъ сотворити мстнику, да поубити правду свою*».

говорится исключительно въ видахъ пользы Грековъ, о второмъ напротивъ для выгоды Руссовъ.

Смыслъ статьи о кораблекрушеніи есть слѣдующій: Руссы обѣщаютъ оказывать помощь греческимъ ладьямъ, когда онѣ заброшены будутъ бурей на чужой берегъ, гдѣ случится быть въ то время и Руссамъ. Помощь эта состоять должна или въ томъ, что ладью отводить въ ближайшій греческій портъ, или же ее провожаютъ въ русскую землю, ежели (какъ основательно догадывается Эверсъ ¹⁾) грузъ ея предназначенъ былъ для Россіи. Здѣсь продается грузъ и вырученныя за него деньги отсылаются въ Грецію съ купцами или съ посольствомъ, отправляемымъ къ греческому царю.

Гораздо болѣе интереса для исследователя началъ древнѣйшаго русскаго права представляетъ та статья Олегова договора, въ которой говорится объ имуществѣ Руссовъ, умирающихъ въ Греціи. Разсмотримъ сначала текстъ ея ²⁾.

«Аще кто умретъ не урядивъ своею имьяны, ни своимъ не имать, а да возвратитъ имьяны къ милымъ ближникамъ во Русь. Ащель се творити обряженіе, таковыи да возметъ уряженное кому будетъ а писале наследити имьяны его, да наследити е отъ азымающихъ акуплю Руси, отъ различныхъ ходяци отъ Греки и удаляющихся».

Судя по первому взгляду, надобно было бы думать, что здѣсь рѣчь идетъ о каждомъ вообще Руссѣ, умирающемъ во время пребыванія своего въ Греціи; но статья эта надписывается: «о работающихъ во Грецехъ Руси у адрестальскаго царя», и потому Эверсъ заключаетъ, что въ ней устанавлиются только правила объ имуществѣ тѣхъ изъ Руссовъ, которые умираютъ въ Греціи, состоя на службѣ (работѣ) у греческаго царя ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ весьма остроумную догадку на счетъ обезпеченія цѣлости имущества другихъ, не служащихъ греческому царю Руссовъ. Онъ думаетъ именно, что Руссы, отправлявшіеся въ Грецію во своимъ торговымъ дѣламъ, подобно купцамъ другихъ народовъ того времени, ѣздили туда большими партіями, которыя водчинились одиому лицу, изъ среды ихъ избранному (какъ бы старостѣ), и составляли такимъ образомъ, на время путешествія, родъ политической общины. Ежели кто изъ среды этой общины умираетъ во время путешествія, то компанія брала оставшееся послѣ умершаго имущество и обязывалась доставить его въ цѣлости въ

¹⁾ Das ält. R. d. R. S. 164. Anm. 26.

²⁾ Несторъ, смич. Шлѣд. ч. II, стр. 738 и сл., Эверсъ, стр. 187. Тобина Tractate, стр. 37.

³⁾ Эверсъ, стр. 160 и 161.

отечество, для удовлетворенія кредиторовъ покойнаго или для передачи родныхъ его. Такая мѣра тѣмъ болѣе была необходима, для обезпеченія имущества умирающихъ къ чужой землѣ, что государи этихъ странъ тогда, и даже во время гораздо позднѣйшее, нередко присвоивали себѣ право наследовать имущество послѣ умершихъ въ ихъ владѣніяхъ иностранцевъ, какъ имущество выморочное. Весьма вѣроятно, что подобное притязаніе обнаруживали и греческіе цари, въ особенности на имущество тѣхъ изъ Руссовъ, которые находились у нихъ на службѣ, тѣмъ болѣе, что самое это имущество могло быть приобретено службою, а состоящіе на службѣ рассматривались какъ временные по крайней мѣрѣ подданные императора. Для огражденія соотчичей своихъ отъ такихъ притязаній, Руссы включили въ договоръ Олега приведенную статью о наследствѣ. Надобно однакожь замѣтить, что и содержаніе, и редакція этой статьи скорѣе, можетъ быть, принадлежатъ Грекамъ, нежели Руссамъ. Къ такому заключенію ведетъ во-первыхъ то, что въ рассматриваемой статьѣ очень ясно различается наследованіе безъ завѣщанія (какъ бы по закону) и наследованіе по завѣщанію, при чемъ первое совершенно подчинено послѣднему, и законный наследникъ (родной, ближникъ) тогда только могъ получить имущество, когда умершииъ не было сдѣлано никакого о немъ распоряженія. Конечно, и русскому праву могло быть не чуждо различіе между двумя видами наследованія, оно даже могло, согласно съ понятіями о неограниченности отеческой власти, какаю тогда была у Руссовъ, предпочитать завѣщаніе законному наследованію; но понятія эти являются здѣсь слишкомъ ясно и отчетливо сформулированными и весьма живо напоминаютъ постановленія римскаго права объ этомъ же предметѣ. Далѣе изъ словъ: «*кому будетъ писанъ наследити*» видно, что здѣсь говорится именно о письменныхъ завѣщаніяхъ, а не упоминается вовсе о другихъ ихъ видахъ. Но едва-ли Руссы того времени, даже и тѣ, которые находились на службѣ у греческаго императора, до такой степени обладали искусствомъ писанія, чтобы эта форма завѣщанія могла быть у нихъ самою употребительною. Явно, что Греки свои понятія о наследствѣ вообще и о формѣ завѣщаній въ особенности приписали и Руссамъ¹⁾. Самая наконецъ редакція рассматриваемой статьи—редакція, совершенно правильная и систематическая, какою не встрѣчаемъ нигдѣ въ одной другой статьѣ Олегова договора, говоритъ, кажется, въ пользу моего предположенія.

Этою статьею оканчивается рядъ постановленій Олегова дого-

---

¹⁾ См. мое разсужденіе объ актахъ укрѣпленія правъ на имущество, стр. 111.

вора, определяющих мѣры огражденія имущественныхъ отношеній обѣихъ договаривающихся сторонъ, и въ особенности Руссовъ. Посмотрижь теперь, что было постановлено о нихъ въ договорѣ Игоря (945).

Договоръ Игоря съ Греками, по замѣчанію Эверса, долженъ быть разсматриваемъ какъ дополненіе и поясненіе Олегова договора, но это дополненіе и поясненіе влечетъ за собою, отчасти по крайней мѣрѣ, измѣненіе прежде уже установленныхъ началъ. Не говоря о перемѣнахъ, введенныхъ Игоревымъ договоромъ по другимъ отраслямъ права, я намѣренъ обратить вниманіе на тѣ только, которыя соприсааются непосредственно съ разсматриваемыми мною началами огражденія имущественныхъ отношеній.

Въ IV статьѣ этого договора находится постановленіе о воровствѣ и насильственномъ отнятіи вещей. Текстъ ея слѣдующій:

«Аще кто покусится отъ Руси взяти что отъ люди царства «вашего»¹⁾ (или нашего), аже то состоритъ, покажеть будетъ велими. «Аще ли езяль будетъ, да заплатитъ сунубъ. И аще сотворитъ «тоже Гречинъ Русину, да приметь ту же казнъ, аже пріалъ «естъ и онъ. Аще ли прилучитъ украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно да езворотъ не точіе едино, но «и цюму ею Аще обрѣцетъ украденное продама, да едастъ цюму «ею сунубу. И то (у Раковецкаго и той) покажеть будетъ по уставу Гречкому и по закону Гречкому, и по закону Русскому». (Несторъ слич. Шлѣд. Ч. III. стр. 139; Эверса стр. 195).

Сравнивая постановленія этой статьи Игорева договора съ постановленіями Олегова, мы замѣчаемъ, что въ ней съ самаго начала рѣчь идетъ о насильственномъ отнятіи чужой собственности и о покушеніи на такое противозаконное дѣйствіе. Покушеніе отлочно здѣсь не по одному только имени отъ преступленія уже совершеннаго, но и самое наказаніе за то и другое полагается, какъ я думаю, различное. Именно, покусившійся на отнятіе вещи у другого долженъ быть «покажеть велими» (вѣроятно уже не по произволу частнаго лица, потерпѣвшаго обиду, а по опредѣленію

¹⁾ Въ большей части списковъ стоитъ: «отъ люди царства «ашего», въ нѣкоторыхъ «царства нашего». Принимая первое чтеніе, надобно было бы думать, что здѣсь Руссы говорятъ отъ своего имени и предлагаютъ Грекамъ слѣдующія за тѣмъ мѣры огражденія отъ воровства; если же читать «царства нашего», то выходитъ, какъ будто Греки предлагаютъ условіе Русскимъ. (Сравн. прочемъ Ewers, d. ält. R. d. R. 172. Anm. 31. Rakowieski, Pr. R. т. II. стр. 13.)

правительства), не видно однако, въ чемъ должно состоять это наказаніе, о вознагражденіи же обиженнаго такимъ дѣйствіемъ ничего не упоминается, быть можетъ, потому, что онъ при этомъ ничего не терялъ. Если же послѣдовало уже дѣйствительное отнятіе имущества, то виновный долженъ былъ сдѣлать вознаграженіе вдвое (*а да заплатитъ суубль*). Опредѣляемое здѣсь двойное вознаграженіе, слѣдовавшее конечно хозяину отнятой вещи, состояло вѣроятно въ возвращеніи самой вещи и приложеніи цѣны ея, или въ уплатѣ двойной цѣны, если вещь была уже продана, утрачена или испорчена. Такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, если принимать въ соображеніе то, что постановляется нѣсколько ниже о воровствѣ. Хотя при этомъ не упоминается объ особенномъ наказаніи преступника, но подразумѣвать должно, что совершившій насильственное завладѣніе чужою собственностью долженъ былъ подвергнуться тому же наказанію, какое опредѣлено было для покушивагося на это дѣйствіе.

Въ постановленіяхъ о воровствѣ замѣчаемъ недостатокъ опредѣленій о томъ, какъ должно поступать съ пойманнымъ на мѣстѣ воровъ. Эверсъ предполагаетъ¹⁾, что въ Игоревомъ договорѣ потому умалчивается объ этомъ, что не хотѣли повторять высказаннаго уже въ договорѣ Олега. Нѣтъ сомнѣнія однако, что вора, пойманнаго на мѣстѣ, можно было и теперь убить, потому что право это предоставлено было у Руссовъ хозяину даже въ XIII столѣтіи. Что касается до удовлетворенія хозяина украденной вещи, то оно опредѣляется, также какъ и при насильственномъ завладѣніи его, двойное; кромѣ того виновный подвергается наказанію по закону *грецкому* и *русскому*. Последнія слова Эверсъ считаетъ темными и полагаетъ, что воръ могъ быть наказываемъ по одному изъ этихъ законовъ, смотря потому, какому народу принадлежалъ самъ преступникъ или, еще вѣроятнѣе, обиженный или потець²⁾. Чтобы эта догадка была вполне убѣдительна, надобно, чтобы въ текстѣ написано было: *по закону грецкому или по закону русскому*, между тѣмъ вмѣсто *или мы* здѣсь видимъ *и*, а потому нельзя ли предположить, что участвовавшіе въ договорѣ Греки и Руссы, для большаго обезпеченія своей собственности отъ тайнаго или насильственнаго завладѣнія ею согласились, чтобы виновный въ этихъ преступленіяхъ подвергался двойному наказанію, по закону обоихъ договаривающихся народовъ? Конечно, догадка

¹⁾ Das ält. R. d. R. S. 166.

²⁾ Тамъ же, стр. 168.

эта не можетъ быть подтверждена никакими положительными данными, но крайней мѣрѣ въ правѣ сдѣлать ее, по прямому смыслу словъ текста, и, допустивъ такое предположеніе, для насъ становится нѣсколько понятнѣе другое совершенно неопредѣленное выраженіе этой статьи договора, именно что покушійся на отнятіе чего-либо у другого *покажется* *будетъ* *свлыми*. Быть можетъ, это *свліе* *покаженіе* состояло *дѣйствительно* въ двойномъ наказаніи преступника, по закону греческому и по закону русскому.

Какъ бы то ни было, рассматриваемая статья Игорева договора заключаетъ въ себѣ нѣсколько измѣненій статьи такого же содержанія въ договорѣ Олега, — измѣненій, свидѣтельствующихъ о развитіи юридическихъ идей въ сознаніи составителей первого изъ нихъ. По смыслу договора Олега, виновный въ похищеніи чужой собственности тайнымъ или насильственнымъ образомъ, подвергался только взысканію для частнаго удовлетворенія хозяина похищенной вещи: въ договорѣ Игоря, независимо отъ частнаго удовлетворенія, преступленія эти подвергаются наказанію со стороны правительства и по опредѣленію закона, хотя вѣроятно не иначе, какъ только въ слѣдствіе иска лица обиженнаго. Далѣе Олеговъ договоръ устанавливаетъ тройное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго убытокъ; по крайней мѣрѣ такъ было несомнѣнно при насильственномъ завладѣніи чужою собственностію: договоромъ Игоря требуется только сугубое удовлетвореніе, вѣроятно потому, что теперь преступникъ подвергался сверхъ того особому наказанію, отъ котораго прежде онъ былъ свободенъ, заплативъ втрое нанесенный убытокъ. Наконецъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ рассматриваемой статьѣ Игорева договора устанавливаются различныя наказанія за покушеніе и за совершенное преступленіе, между тѣмъ какъ въ договорѣ Олега различія этого не усматриваемъ. Впрочемъ весьма возможно, что эти поступательныя измѣненія были слѣдствіемъ особеннаго вліянія Грековъ на составленіе договора, заключеннаго ими съ Игоремъ.

Къ предмету нашего изслѣдованія относится еще въ Игоревомъ договорѣ статья о побѣгѣ невольниковъ и ихъ выдачѣ (ст. III). Къ сожалѣнію текстъ ея подверженъ различнымъ толкованіямъ вслѣдствіе весьма сбивчиваго употребленія въ ней нѣстоименій *мани* и *оми*, такъ что нѣтъ другой возможности выйти изъ представляющихся по этому случаю затрудненій, какъ только если позволить себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣну одного мѣстоименія другимъ. Вотъ текстъ ея изъ Нестора, сличеннаго Шлѣперомъ¹⁾.

¹⁾ Часть III. стр. 133: у Эв. въ р. пер., стр. 200 и 201.

«И аще ускочитъ челядинъ отъ Русь, по немъ приидитъ въ страну царствавашю и отъ селяго Мамы, и аще будетъ обрѣцется да поимутъ. Аще ли не обрѣцется, да на роту идути на аша христіанская Русь, а не христіаніе по закону своему. Тогда возимаютъ отъ насъ цѣлу свою, якоже уставлено есть прежде, да наволоць за челядина. Аще ли кто отъ людей царствавашю, или отъ нѣкихъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ а что, да возвратятъ опять; и еже что приидетъ все цѣло, да возиметь отъ него золотника два».

Не стану приводить здѣсь различныхъ толкованій и переводовъ этой статьи Шлёцеромъ, Раковецкимъ и Эверсомъ: это заняло бы слишкомъ много мѣста и не привело бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; скажу только, что, ежели догадка Эверса справедлива, будто въ договорѣ Игоря Греки являются предлагающими условія отъ своего имени, то въ такомъ случаѣ можно себѣ позволить читать и переводить приведенный текстъ такимъ образомъ:

Ежели рабъ бѣжеть отъ Руссовъ и отъ св. Мамы¹⁾, за нимъ аще прийдутъ въ страну царствавашю²⁾ и онъ будетъ найденъ, то да возмуть его³⁾. Ежели аще онъ не отыщется, то пусть нами⁴⁾ христіанскіе Руссы дадутъ присягу, а нехристіане пусть кланутся по своему закону⁵⁾, и пусть тогда взыщутъ съ насъ цѣлу, какъбы уставлено была прежде, по дѣлу наволоки⁶⁾ за раба. Ежели кто изъ людей царствавашю⁷⁾ или городавашю⁸⁾, или

¹⁾ То есть отъ Руссовъ же, живущихъ въ предмѣстьи этого названія въ Цареградѣ. См. Ewers. d. ä. R. d. R. S. 172. Anm. 33.

²⁾ Въ текстѣ стоитъ *вашю*.

³⁾ Разумѣется Руссы.

⁴⁾ Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что Греки могли называть Руссовъ, принявшихъ христіанскую религію нашими, потому что они были ихъ единовѣрцами. Тамъ же стр. 172, прим. 34.

⁵⁾ Разумѣется въ томъ, что рабъ дѣйствительно бѣжалъ отъ нихъ къ Грекамъ.

⁶⁾ *Наволока*, родъ шелковой, дорогой ткани, которая иногда употребляема была вмѣсто денежно платы. См. Rałowiecki, Pr. R. т. I. стр. 162.

⁷⁾ Въ текстѣ опять написано *вашю*. Здѣсь въ особенности замѣчательно толкованіе Эверса. Тамъ же стр. 172, прим. 35.

⁸⁾ Конечно Константинополя. Раковецкій читаетъ *отъ родавашю*. Pr. R. т. II. стр. 13.

другихъ городовъ, убьютъ раба или же ели и привезетъ съ собою что-либо¹⁾, то онъ долженъ быть возвращенъ, и если при томъ снесено или окажется все въ цѣлости, то да возьметъ отъ него два золотника²⁾.

Замѣчательно, что въ рассматриваемой статьѣ ничего не говорится ни о тайномъ похищеніи чужого раба, ни о вынужденной его продажѣ. Вѣроятно, замѣчаетъ Эверсъ³⁾, кража раба и принужденіе къ продажѣ его отнесены были къ общему правилу о воровствѣ и насильственномъ похищеніи чужой собственности. Относительно бѣжавшаго раба въ Олеговомъ договорѣ постановлено было, что хозяинъ могъ его отыскивать и взять обратно, въ случаѣ же если онъ не находился, то, вѣроятно, хозяинъ пропавшаго раба не могъ претендовать на какое-нибудь вознагражденіе. Напротивъ въ договорѣ Игоря устанавливается мѣра вознагражденія за потеряннаго раба, если хозяинъ подтвердитъ присягою, что рабъ его дѣйствительно бѣжалъ къ Грекамъ. Съ своей стороны, Греки требовали отъ Руссовъ не только возвращенія бѣжавшаго раба, но еще и всего снесеннаго бѣглецомъ, съ платою въ такомъ случаѣ двухъ золотниковъ; вѣроятно впрочемъ, что эти же правиломъ могли также пользоваться и Руссы по отношенію къ Грекамъ⁴⁾.

Наконецъ въ Игоревомъ договорѣ есть также постановленіе, имѣющее въ виду охраненіе имущества и лицъ, находящихся на кораблѣ или ладьѣ, выброшенной на берегъ (ст. VII).

«Аще обрѣдутъ Русь кувару (корабль или ладью) Грецкую свержену на коемъ либо мѣсте, да не приобидятъ ея. Аще ли отъ нея возьметъ кто что, или челоука поробититъ или убьетъ, да будетъ ащеменъ закону Руску и Грецку»⁵⁾.

За исключеніемъ послѣднихъ словъ: «да будетъ ащеменъ закону Руску и Грецку», которыя и здѣсь опять могутъ подать поводъ къ различнымъ толкованіямъ и къ которымъ надобно примѣнить то, что сказано уже выше въ статьѣ о насильственномъ и тайномъ похищеніи чужой собственности, смыслъ приведенной статьи совершенно ясенъ. Различіе ея отъ статьи подобнаго же содержанія въ Олеговомъ договорѣ состоитъ въ томъ, что, по смыслу перваго договора, Руссы даютъ только обѣщаніе оказывать посюбие гре-

¹⁾ Разумѣется, украденное имъ.

²⁾ Конечно тотъ, кто доставитъ бѣжавшаго раба съ покраею.
³⁾ Das ält. R. d. R. S. 171.

⁴⁾ Эверсъ, тамъ же.

⁵⁾ Несторъ, слич. Шлёд. ч. III, стр. 181; у Платонова, перев. др. Р. Пр., стр. 198.

ческимъ кораблямъ, не облыываясь притомъ никакою отвѣтственностью въ случаѣ, если бы что-нибудь изъ груза ихъ пропало; напротивъ, въ статьѣ договора Игоря не упоминается уже о помощи греческимъ ладьямъ со стороны Руссовъ, Греки требуютъ только, чтобы Руссы не дѣлали обиды выброшенной на берегъ ладьѣ, а въ случаѣ, если бы кто-нибудь, пользуясь бѣдственнымъ ея положеніемъ, взялъ что-либо изъ груза ея или убилъ человѣка, на ней находящагося, долженъ былъ подвергнуться наказанію, по закону русскому и греческому. Отсюда можно вывести заключеніе, что постановленная въ Олеговомъ договорѣ статья не была достаточнымъ обезпеченіемъ для кораблей, потерѣвшихъ крушеніе, и что, при заключеніи дополнительныхъ условій съ Игоремъ, Греки считали необходимымъ подкрѣпить ее, устанавливая, по взаимному соглашенію съ Руссами, наказаніе для хищниковъ и разбойниковъ. Замѣтимъ наконецъ, что, хотя и въ этой статьѣ говорится объ однихъ только греческихъ ладьяхъ, вѣроятно однако, что она имѣла взаимно обязательную силу для обоихъ договаривающихся народовъ; только Греки, можетъ быть, чаще нежели Руссы имѣли случай сослаться на ея содержаніе и согласно съ нимъ требовать себѣ удометворенія.

Таковы были мѣры огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по смыслу договоровъ Олега и Игоря съ Греками.

Обращаемся теперь къ изслѣдованію этихъ мѣръ по началамъ обширнѣйшаго и важнѣйшаго памятника древняго русскаго законодательства, — по началамъ Русской Прамды.

Мы имѣли случай замѣтить, занимаясь разсматриваніемъ содержанія договоровъ Олега и Игоря, во сколько это было необходимо для уясненія предмета настоящаго изслѣдованія, что въ нихъ рѣчь идетъ исключительно объ огражденіи одного только вида имущества, именно движимыхъ. Причина этому весьма легко открывается. Въ условіяхъ, заключенныхъ двумя народами, для взаимнаго обезпеченія правъ частныхъ лицъ, къ каждому изъ этихъ народовъ принадлежавшихъ, не могло быть даже говорено объ имуществахъ недвижимыхъ, которыя были, можно сказать, недоступны для предполагаемыхъ нарушителей права собственности и имущественныхъ отношеній вообще. И дѣйствительно, трудно представить себѣ, чтобы Руссъ, пребывавъ временно въ Греціи, или Грекъ въ Россіи, могъ имѣть случай или даже подумалъ завладѣть чужою недвижимою собственностію, на примѣръ землею или домомъ; и потому участвовавшіе въ договорахъ, считая недвижимое имущество внѣ всякой опасности, не позаботились объ установленіи какихъ-нибудь правилъ для его огражденія. За то съ о-

собенныйгъ иниманизмъ, какъ мы это видѣли, старались они обезпечить имущество движимое, не только отъ злонамѣренныхъ дѣйствій лицъ постороннихъ, но даже отъ губельнаго на него вліянія несчастныхъ случаевъ, потому-что дѣйствительно этотъ видъ имущества, по своей природѣ, гораздо болѣе представляетъ возможности къ неправильному имъ завладѣнію и даже къ истребленію его. Что касается до Русской Правды, то, хотя въ нѣкоторыхъ ея статьяхъ ясно указывается на разные предметы недвижимой собственности и даже на поземельное право¹⁾, замѣтимъ однако, что указанія были уже, по всей вѣроятности, плодомъ законодательной дѣятельности продолжателей Ярославова Суда; между тѣмъ Правда, въ первоначальномъ ея видѣ²⁾, заключаетъ лишь только правила огражденія имущества движимаго. Впрочемъ и въ позднѣйшей ея редакціи весьма только немногочисленныя постановленія имѣютъ въ виду обезпеченіе нѣкоторыхъ предметовъ недвижимой собственности; напротивъ здѣсь также обращено преимущественно вниманіе на имущества движимыя, конечно, по указанной побудительной причинѣ: потому-что они болѣе нуждались въ мѣрахъ огражденія. Одновременно изъ тѣхъ немногихъ статей, которыя находимъ мы въ Русской Правдѣ касательно огражденія недвижимыхъ имуществъ, легко убѣдиться, что эти имущества, въ умѣ законодателей и въ народномъ сознаніи, имѣли болѣшую важность и цѣнность, нежели имущества движимыя, хотя нѣкоторые предметы изъ разряда послѣднихъ, по особенному на нихъ возрѣнію людей того времени, были также очень высоко цѣнимы, подобно тому какъ и у другихъ Славянъ³⁾.

Начнемъ съ постановленій, имѣющихъ въ виду обезпеченіе недвижимыхъ имуществъ.

Самымъ важнымъ предметомъ въ ряду этихъ имуществъ вездѣ и въ каждое время считалась земля, какъ прочнѣйшая опора существованія человѣка. Такъ конечно было и въ древней Россіи, которая въ то время болѣе еще нежели послѣ жила произведеніями своей земли, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, ловлею звѣрей и т. п. Принимая это въ соображеніе, надобно было бы думать, что въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго законодательства постановлены весьма точныя и строгія мѣры для огражденія поземельной собственности отъ всякаго рода противозаконныхъ дѣй-

¹⁾ Калачова, послѣд. о Р. Пр. Москва, 1846. 4^о, стр. 181.

²⁾ Сравн. Ewers das ält. R. d. R. 264 — 270.

³⁾ Maciejowski Historia Prawodawstw Słowiańskich, Warszawa. 1882, т. 2. стр. 8 — 11.

дѣйствій. Однако, рассматривая внимательно содержаніе Правды, мы почти убѣждаемся въ обратномъ. Важнѣйшій видъ противозаконныхъ дѣйствій, направленныхъ на земскую собственность, есть конечно насильственное завладѣніе ею, произведенное лицомъ постороннимъ, не имѣющимъ на нее права. Русская Правда, ни въ первоначальномъ своемъ видѣ, ни въ позднѣйшихъ ея дополненіяхъ, не представляетъ намъ постановленія, которое бы направлено было непосредственно на отраженіе этого противозаконнаго дѣйствія. Какое же мы можемъ вывести отсюда заключеніе, ежели не то, что въ сознаніи народномъ слишкомъ укоренено было понятіе неприкосновенности участка земли, составляющаго отдѣльную собственность извѣстнаго лица, семейства или даже рода, и что по этому насильственное имъ завладѣніе считалось дѣломъ невозможнымъ. Невозможность эта могла усминяться конечно, въ древнѣйшее по крайней мѣрѣ время, въ такомъ случаѣ, если земля составляла предметъ общаго владѣнія цѣлаго рода и защищаема была, въ случаѣ надобности, не однимъ лицомъ, а болѣе или менѣе значительною совокупностію лицъ¹⁾. Ежели однако въ рассматриваемую нами эпоху дѣйствительно насильственное завладѣніе чужою землею никогда еще, какъ видно, не случалось, то, съ другой стороны, въкоторыя изъ статей Правды, дополненной уже сыновьями Ярославомъ и позднѣйшими законодателями, заставляютъ думать, что сознаваема была возможность такого завладѣнія въ послѣдствіи времени, а желаніе ее устранить вызвало постановленія, опредѣляющія строгія мѣры взысканія за истребленіе или порчу межевыхъ знаковъ, отдѣлявшихъ одинъ участокъ земли отъ другого. Сюда относятся слѣдующія статьи Русской Правды, по изданію Калачова²⁾.

Ст. CV.

а. *«А мѣсе мѣжу переротъ, либо перетееъ, то за обиду 12 гривенъ».*

Полнѣйшая редакція этой статьи, по большинству списковъ, есть слѣдующая:

б. *«Аже мѣжу перетметъ бортьную, или ролевную мѣжу розворетъ, или дворную мѣжу тыномъ переродитъ, то 12 гривенъ продаже».*

¹⁾ Ewers, d. ält. R. d. R. S. 260 — 264. Рейцъ, переводъ Мошопкина, стр. 4 и 10, примѣчаніе 9.

²⁾ Изсл. о Рус. Пр., отд. III. Систематическое изложеніе и изданіе полного въ юридическомъ отношеніи текста Рус. Правды (на основаніи 50 списковъ).

Ст. CIV.

«Лице кто разнаменает борть, то 12 гривенъ продажи, а за дерево полриены».

Ст. CVI.

«Оже кто дубь перетнетъ знаменный или межный, то 12 гривенъ продажи».

Изъ этихъ статей открывается, что употребительнѣйшими межевыми гнанами были для пахатныхъ и, вѣроятно, всѣхъ безлѣсныхъ полей, земляныя насыпи или другіе земляные знаки; для лѣсовъ вообще и въ особенности бортовыхъ угодій—деревья, на корню стоящія, преимущественно дубъ и сосна, какъ самыя прочныя; наконецъ усадьбы или дворы разграничивались изгородями, плетнями или тынами¹⁾. Далѣе видимъ, что порча межевыхъ знаковъ (разнаменаніе борти), равно какъ и совершенное ихъ истребленіе, подвергала виновнаго одинаковому взысканію, именно уплатѣ 12 гривенъ пени. Кромѣ того, надобно, быть можетъ, было заплатить хозяину цѣну испорченнаго или срубленнаго дерева. На это указываетъ въ статьѣ о разнаменаніи борти выраженіе: *«а за дерево полриены»*; замѣтимъ однако, что слова эти находятся въ одномъ только спискѣ Правды, именно Бальзеровомъ, принадлежащемъ Археографической Комиссіи. Сравнивая постановленное въ этихъ статьяхъ взысканіе съ пенями по другимъ видамъ преступленій, видимъ, что оно нерѣдко равняется и даже превышаетъ наказанія, установленныя за убійство нѣкоторыхъ лицъ²⁾, также за увѣче³⁾, самовольное изгнание⁴⁾, нанесеніе ранъ и побоевъ.⁵⁾ Отсюда со всею вѣроятностію заключить можно, что порча и истребленіе межевыхъ знаковъ считались на-ряду съ важнѣйшими и опаснѣйшими противозаконными дѣйствіями и что законодательная власть имѣла въ виду предохранить отъ нихъ общество, устанавливая за нихъ высокія пени. Подтверженіемъ моему предположенію можетъ служить то, что, по смыслу одной статьи, имѣющей впрочемъ различныя чтенія, искъ о разломанной борти и посѣченной межѣ производится даже и тогда, когда виновный положительно неизвѣстенъ: округа

¹⁾ Тынь и въ настоящее время на малороссійскомъ нарѣчій значить *плетень* или *заборъ*.

²⁾ Ср. ст. LXXX — LXXXIV. Изд. Калачова.

³⁾ Ср. ст. XCIII, CXXXIV и CXXXV, тамъ же.

⁴⁾ Ср. ст. XCV и XCVI, тамъ же.

⁵⁾ Ср. ст. XCVII — XCIX, тамъ же.

(зерна), въ которой случилось это преступленіе, обязана была отыскать виновнаго (тата) или заплатить 12 гривенъ продажи ¹⁾.

Хотя изъ приведенныхъ нѣсколько выше статей нельзя заключить совершенно положительно, что въ нихъ рѣчь идетъ о злоумышленной порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ, напротивъ, скорѣе можно было бы думать, что здѣсь обращено было вниманіе не на умыселъ, а на самый фактъ; однакожъ съ большою вѣроятностію предположить можно, что дѣйствительно только злоумышленное истребленіе и порча межей подвергались опредѣленному взысканію, упущеніе же указанія на этотъ предметъ въ самомъ законѣ надобно конечно отнести на счетъ весьма понятной и извинительной неопытности въ дѣлѣ редакціи законовъ. Что первоначальная редакція законовъ всегда бываетъ весьма несовершенна и представляетъ потѣмъ обширное поприще для различнаго ихъ толкованія, доказательствъ тому и примѣровъ можно было бы привести очень много, но ближе всего возьмемъ двѣ различныя редакціи одной изъ приведенныхъ статей, именно CV. Въ первой изъ нихъ, кратчайшей, говорится о перепаханіи или изрубленіи межи вообще; во второй, обширнѣйшей, ясно уже различается межа *ролейная* отъ *бортной* и *дворной*. Очевидно, что такая опредѣленность могла быть только произведеніемъ опыта, доказавшаго недостаточность первоначальной редакціи этой статьи.

Въ заключеніе скажу, что Раковецкій ²⁾ находитъ весьма вѣроятнымъ, что постановленія Русской Правды о межахъ имѣли вліяніе на образованіе понятій о томъ же предметѣ въ Литвѣ, доказательствомъ чему могутъ служить нѣкоторыя статьи Литовскаго Статута, даже позднѣйшей его редакціи, 1588 года, на польскомъ языкѣ ³⁾. Еще болѣе сходства замѣчаетъ тотъ же ученый между постановленіями нашего памятника о межевыхъ знакахъ и такимъ же постановленіемъ въ законахъ чешскаго короля Владислава: *Ktoz by koli wiek komu mežniky wymetal, a nebo podsekał, neb ge ginam přesadil, bez wule a wedomite skymž ty mežniky spotu ma, tehdy ten tomu (neb tiem) propadni dwadzeci hrywen* ⁴⁾. Изъ сего послѣдняго сближенія можно вывести предположеніе, довольно впрочемъ натуральное, что понятія различныхъ славянскихъ народовъ о неприкосновенности межевыхъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по-

¹⁾ Ср. въ изд. Калачева, ст. СХХІХ «о борть и о разломанной борти» (по 33 и 34 сл.).

²⁾ Rakowiecki, Pr. R. т. II, стр. 91, прим. (6).

³⁾ Именно Rozdział IX, art. 18, §§ 1 и 2; у Раковецкаго тамъ же.

⁴⁾ У Раковецка. т. II, стр. 91, прим.

земельной собственности вообще, могли быть весьма сходны между собою.

Поищемъ теперь въ изучаемомъ нами памятникѣ установлений, направленныхъ противу неправильнаго пользованія чужою землею или ея произведеніями.

Такъ-какъ вѣроятно весьма трудно и едва-ли возможно было въ древнѣйшее время пользованіе противозаконное, хотя бы даже и самое непродолжительное, чужою землею, со всѣми ея принадлежностями, то по-этому въ Правдѣ не находимъ ни одного правила, которое бы имѣло въ виду опредѣленіе наказаній или пеня за такое противозаконное дѣйствіе. Напротивъ весьма вѣроятно могло случаться, что тотъ или другой, не имѣя въ своемъ участкѣ земли тѣхъ угодій или произведеній, которыя ему были необходимы, рѣшался воспользоваться ими воровски на чужой землѣ. И дѣйствительно, на этотъ видъ противозаконныхъ дѣйствій указываютъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ приведенная уже статья Правды *о борбѣ и разломанной борти*, которая въ большой части списковъ, принятыхъ Калачовымъ въ основаніе его издавія, представляетъ слѣдующее чтеніе.

Ст. СХХІХ.

«Аже будетъ разсычена земля или на землѣ знаменіе есть или аже ловлено, или съятъ то по ерехи искати отъ себя татля, а лобѣ «платини продажо» (12 гривенъ?).

Во-вторыхъ статья XLV, имѣющая три различныхъ чтенія, изъ коихъ я приведу здѣсь одно только наиболѣе, соединяющее въ себѣ всѣ признаки другихъ.

Ст. XLV.

«А отъ сѣль и отъ дровель 9 кунъ, а юсподиму, колико будетъ «возъ украдено, то плати ему по 2 ноща за возъ».

Въ первой изъ этихъ статей рѣчь, кажется, идетъ объ охотѣ или ловлѣ въ чужихъ дачахъ, быть можетъ, именно о ловлѣ борбовъ, какъ это можно предположить изъ словъ варианта этой же статьи, надписываемаго *«о борбѣ и о разломанной борти»*¹⁾. Смыслъ постановленія, въ этой статьѣ находящагося, есть, по моему убѣжденію, слѣдующій: ежели земля будетъ вырыта, или же на ней найдены будутъ другіе признаки ловли²⁾ или самая дѣль, то, хотя бы виновный въ этомъ не былъ извѣстенъ, вервь или округа должна

¹⁾ Срав. изд. Калачова на стр. 95, также чтеніе этой статьи у Раковецкаго, *Prawda Russka*, т. II. стр. 88, ст. 45.

²⁾ Быть можетъ, именно вырытіе ямъ было однимъ изъ способовъ, употребляемыхъ для ловли дичихъ звѣрей, какъ и теперь.

принять на себя труд отыскать тата, въ противномъ же случай она обязана заплатить опредѣленную пеню (12 гривенъ).

Отсюда представляется возможность вывести нѣкоторыя общія заключенія. Такъ-какъ пеня, опредѣляемая за производство ловли въ чужихъ земляхъ, равна той, которую, какъ мы уже видѣли, устанавливаетъ Правда за порчу и истребленіе межевыхъ знаковъ, такъ-какъ она вообще есть одна изъ высшихъ пеней, напимъ памятникомъ опредѣляемыхъ, то это можетъ служить доказательствомъ, что этотъ видъ неправильнаго пользованія произведеніями чужой земли почитается быть однимъ изъ самыхъ важныхъ противозаконныхъ дѣйствій, какія могли быть направлены противу чужой собственности вообще. Далѣе, изъ словъ: «*то по вѣремъ искати съ собою татя*», надобно заключить, что ловля въ чужихъ дачахъ считалась *татбою* или воровствомъ. Впрочемъ, въ понятіяхъ людей разсматриваемаго времени не могли еще развиться тѣ тонкія различія, какія обыкновенно устанавливаются законодательствами позднѣйшаго, болѣе образованнаго времени, между разными видами неправильнаго пользованія и завладѣнія чужою собственностію. Напротивъ, каждое неправильное дѣйствіе по отношенію къ чужому имуществу считается теперь безразлично влудѣніемъ, воровствомъ, а виновный въ томъ — *татомъ* или *воромъ*¹⁾. Подтверженіе этому находимъ въ множествѣ статей Правды, между прочимъ и во второй изъ приведенныхъ мною статей, именно въ ст. «*о сальи и о дровьяхъ*». Въ ней рѣчь идетъ также о неправильномъ пользованіи угольями чужой земли, именно сѣномъ въ чужихъ лугахъ, дровами въ чужомъ лѣсу; но и то, и другое считалось также, какъ видно изъ словъ: «*каколю будетъ возъ украдено*», воровствомъ. Нельзя однако не замѣтить, что неправильное пользованіе упомянутыми произведеніями чужой земли считалось, какъ видно, гораздо меньшимъ преступленіемъ, нежели охота въ чужихъ угольяхъ, а потому и постановленная на этотъ случай пеня гораздо ниже: виновный въ пользованіи чужими лѣсомъ или сѣнокосомъ обязанъ заплатить только 9 кунъ пени и кромѣ того за каждый возъ дровъ и сѣна по 2 ногаты²⁾. Это различіе въ пеняхъ не должно удивлять, въ особенности, если мы примемъ въ соображеніе, что охота въ чужихъ дачахъ могла дѣйствительно лишать хозяина земли значительныя выгоды, которыхъ онъ могъ ожидать отъ ловли раз-

¹⁾ Ср. Ewergs d. Alt. R. d. R. S. 278 и 297.

²⁾ О цѣнности и взаимномъ отношеніи гривны, куны, вѣшки, ногаты, рѣзани и другихъ древнихъ денегъ сравн. Rakowicki Prawda Russka, т. I, стр. 160 — 198.

ныхъ пушныхъ звѣрей и въ особенности бобровъ¹⁾, между тѣмъ какъ сѣна и дровъ, при обширности луговъ въ тогдашнее время, было болѣе нежели вдоволь, а потому владѣлецъ не терпѣлъ большого убытка, ежели кто изъ его сосѣдей покомсилъ въ лугахъ его возъ травы или вывезъ изъ лѣса возъ дровъ. Вѣроятно, что и мскъ о покражѣ сѣна и дровъ не принадлежалъ къ разряду такихъ, въ которыхъ при неизвѣстности виновнаго округа обявана была отыскивать его или платить пеню; по крайней мѣрѣ изъ словъ сюда относящейся статьи нельзя вывести другого заключенія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже статей, я не нахожу въ Русской Правдѣ другихъ, которыя бы указывали еще на мѣры огражденія поземельной собственности отъ неправоуказаннаго ея завладѣнія или пользованія. Что же касается до другихъ предметовъ недвижимаго имущества, то о двухъ только изъ нихъ, конечно важнѣйшихъ и какъ-бы обнимающихъ собою всѣ другіе, находится точное постановленіе въ слѣдующей статьѣ:

Ст. LXXIII.

«Аже кто зажжетъ гумно, то на потокъ и на разрабавоу а домаго, а переди паубу исплатити, а есъ впрочи князю поточини ки. Такоюде еже кто и дворъ зажжетъ».

Статья эта имѣетъ еще и другія два чтенія²⁾, которыя впрочемъ не представляютъ значительнаго различія отъ приведеннаго мною текста. Во всякомъ случаѣ смыслъ ея выходитъ тотъ, что кто зажжетъ гумно или дворъ, тотъ со всѣмъ своимъ имуществомъ (домомъ) выдается князю на потокъ и разрабавіе, но прежде изъ имущества его улачивается потеря (пагуба) или причиненный убытокъ. Нѣкоторые, какъ Эверсъ и Рейцъ³⁾, подъ словомъ *потокъ* понимаютъ заточеніе или изгнаніе; другіе, какъ Раковецкій⁴⁾, думаютъ, что оно значитъ отдачу въ рабство, третіе наконецъ, какъ переводчикъ Эверса⁵⁾, думаютъ, что слово *потокъ* означаетъ выдачу виновнаго головою князю. Хотя по-видимому Платоновъ удаляется отъ подлинника, переводя такимъ образомъ слово *потокъ*, однакожъ мнѣ кажется, что догадка его есть самая правдоподобная,

¹⁾ Известно притомъ, что звѣриная и рыбная ловля составили въ то время одну изъ важнѣйшихъ отраслей народной промышленности въ Россіи.

²⁾ См. въ над. Калачова, на стр. 108.

³⁾ Ewers d. ält. R. d. R. S. 332 ff; Рейцъ, перев. Морошкина, стр. 182 и въ др. м.

⁴⁾ Prawda Russka, т. 2. стр. 59 ст. 17 и др.

⁵⁾ Древн. право Р., перев. Платонова, стр. 409 и въ др. м.

но крайней мѣрѣ толкованіе его есть самое обширное и обнимаетъ собою всѣ другія, потому — что князь могъ воступить по своему усмотрѣнію съ человѣкомъ, выданнымъ ему головою: онъ могъ его заточить, сослать въ изгнаніе, лишить свободы какимъ-бы то ни было образомъ, можетъ быть, даже и жизни. Что касается до слова *грабежь* или *разграбежь*, то всѣ понимаютъ его одинаково: оно значитъ конфискацію имущества преступника.

Такимъ образомъ, виновный въ зажигательствѣ и самъ лишился политическаго существованія, и имущество его, оставшееся за удовлетвореніемъ причиненнаго убытка, подвергалось конфискаціи: это самое высокое наказаніе, какое мы встрѣчаемъ въ Правдѣ; кромѣ означеннаго случая, оно опредѣлялось еще за злонамѣренное убійство и кражу нѣкоторыхъ болѣе цѣнныхъ предметовъ¹⁾, о чемъ будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже. Отсюда явствуетъ, что истребленіе (конечно злонамѣренное) чужого жилища или гужва огнемъ считалось самымъ важнымъ преступленіемъ, доказывающимъ присутствіе злѣйшаго ожесточенія въ преступникѣ, который дѣйствіемъ своимъ могъ лишить заразъ цѣлое семейство и крова и способовъ къ пропитанію, въ особенности если бы дѣйствіе это осталось неоткрытымъ. Не стану утверждать, что въ приведенной статьѣ рѣчь идетъ о злоумышленномъ зажигательствѣ, думаю однако, что случайное причиненіе пожара не могло бы влечь за собою столь строгаго наказанія; по крайней мѣрѣ это было бы очевидно несправедливо. Можно впрочемъ предполагать съ большою вѣроятностію, что тотъ, кто случайно даже причинялъ пожаръ, долженъ былъ отвѣчать за происшедшій отъ сего убытокъ всѣмъ своимъ имуществомъ, но притомъ ни самъ онъ не лишился гражданской свободы, ни имущество его, оставшееся за удовлетвореніемъ убытка, не подвергалось конфискаціи.

Во всякомъ случаѣ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, надобно думать, что прежде нежели виновный могъ быть подвергнутъ опредѣленному наказанію, требовалось доказать ему, посредствомъ иска, что онъ дѣйствительно виновенъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, непосредственно послѣ статьи о *умии*, безъ особеннаго даже заглавія и отдѣленія, слѣдуетъ постановленіе о злостномъ зарѣзаніи коня или скотины, а вслѣдъ за тѣмъ опять правила о производствѣ исковъ по этому рода дѣламъ²⁾, а можетъ быть, и

¹⁾ Сравни. ст. LXXI, изд. Калачова.

²⁾ Ср. изданіе текста Правды XIII ст. въ сочиненіи Эверса, переводъ Платонова, стр. 408 и 409, также у Раковецкаго Pr. R. т. II. стр. 97 — 100.

по другимъ о поврежденіи и истребленіи чужой собственности. Текстъ статей, опредѣляющихъ порядокъ производства извѣстныхъ исковъ, по изданію Калачова, слѣдующій.

Ст. СХІХ.

«А тыяже тыяже естъ судять съ послуахы съ свободными; бу-
«деи ли послуахъ холопа, то холопу на правду не вылазити; но
«каже хочеть исътъчъ, или ¹⁾ иметь и, а река тако: по сею (т. е.
«холопа) рѣчи смлю ты, не азъ смлю ты, а не холопа. И смлеть и на
«жельзо. Аже обвинити и, то и смлеть на намъ свое; не обвинити
«ли ею, то запланити ему триску за муку, замъ по холопамъ рѣчи
«или и»

Ст. СХLІ.

«А жельзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а пал-
«атрице дѣтскому. То ти жельзныи урокъ, кто си еъ чельжъ поел-
«леть. А оже иметь на жельзо, по свободныхъ людѣи рѣчи, либо
«ли запананъ будетъ ²⁾, либо прохождение мечное, или кымъ либо

¹⁾ Въ 44 сп. вмѣсто или поставлено и: это попятѣе.

²⁾ Такъ читается въ 9, 11, 14, 15, 22, 23, 29 и 32 спи-
скахъ, и это, по моему мнѣнію, самое правильное чте-
ніе. Извѣстно, сколь различными толкованіямъ подвергалось до
настоящаго времени выраженіе «либо ли запананъ (или запананъ,
или запананъ) будетъ». Не входя въ критическій раз-
боръ мнѣній, высказанныхъ о семъ различными писателями,
предлагаю здѣсь свою догадку на усмотрѣніе читателей. Нѣтъ
сомнѣній, что Правда, именно въ поддѣйшнихъ къ ней приба-
вленіяхъ, заключаетъ въ себѣ очень много словъ и выраже-
ній, которыя могутъ быть объяснены не иначе какъ изъ язы-
ка южно-русскаго или малороссійскаго. Самыя даже грамма-
тическія формы языка Русской Правды (если только о нихъ
можно сказать, что нибудь положительное) напоминаютъ не-
рѣдко формы малороссійскаго нарѣчія; напр. *украгъ* вмѣсто
украиъ, *убиетъ* вмѣсто *убиитъ* и т. п. Къ числу тѣхъ выраже-
ній, которыхъ значеніе открывается изъ малороссійской рѣчи,
я отношу также и «либо ли запананъ будетъ». Мнѣ кажется
именно, что слово *запананъ* происходитъ отъ малороссійскаго
запанытъ, что значитъ *остановить*, *задержатъ*, какъ-бы *за-
януть*. Если допустимъ такое происхожденіе слова *запананъ*,
то выраженіе: «либо ли запананъ будетъ», получить такой смыслъ:
или же если онъ (т. е. обвиняемый и подвергаемый испы-
танію посредствомъ жельза) былъ остановленъ (или задержанъ)
къмъ-либо (подразумѣвается, на самомъ томъ мѣстѣ или
вблизи того мѣста, гдѣ совершилось преступленіе, въ кото-

«образомъ, *акоже не осклажнется, то про то муки не платити ему, а ни одно осклажло, кто и будетъ лжъ*».

Смыслъ обѣихъ этихъ статей тотъ, что, въ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ искахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и искъ о сожженіи гумна или двора, истецъ долженъ основывать обвиненіе свое на показаніяхъ людей свободнаго состоянія и только за недостаткомъ свободныхъ свидѣтелей можетъ, ежели пожелаетъ, основать свое обвиненіе на свидѣтельствѣ человека не свободнаго — холопа. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ онъ рискуетъ иногда самъ подвергнуться нѣкоторой отвѣтственности. Отъ обвиняемаго, конечно въ томъ случаѣ, когда бы онъ заперся въ совершеніи приписываемаго ему противозаконнаго дѣйствія, требовалось, чтобы онъ очистилъ себя испытаніемъ желѣзомъ. Если при этомъ онъ обжигался, то, былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе вслѣдствіе показанія людей свободныхъ или даже по свидѣтельству холопа, былъ окончательно обвиняемъ и долженъ былъ заплатить убытки истцу и пеню въ пользу князя. Если же, напротивъ, обвиняемый при испытаніи желѣзомъ не обжегся, то дѣло принимало различный оборотъ, смотря потому, былъ ли онъ вызванъ на это испытаніе по свидѣтельству свободныхъ людей, или по показанію холопа. Въ первомъ случаѣ, истецъ, независимо отъ потери иска, долженъ былъ еще заплатить такъ называемое *осклажло*, т. е. установленную за испытаніе желѣзомъ въ пользу князя пошлину, именно 40 кунъ; во второмъ же случаѣ, т. е. когда истецъ вызывалъ отвѣтника на испытаніе желѣзомъ по показанію холопа, онъ обязанъ былъ кромѣ того заплатить еще гривну вѣнно потерпѣвшему муку. И такъ видно, что нѣкоторые по крайней мѣрѣ искъ, между прочими и о закигательствѣ, производимы были съ вѣстной торжественностію, и для окончательнаго обвиненія подозрѣ-

---

ромъ хотѣть уличить его). Догадку эту подтверждаетъ отчасти и слѣдующее за нимъ выраженіе: «*любю прохоженіе ночное*», которое я перевожу такъ: или же если его (т. е. обвиняемаго) видѣли проходящимъ ночью (опять надобно подражывать мѣсто совершенія преступленія) И такъ на испытаніе желѣзомъ можно было вызывать, или основывался на свидѣтельствѣ свободныхъ людей, или на томъ, что обвиняемый задержанъ былъ на мѣстѣ преступленія, или же что его видѣли проходящимъ ночью вблизи того мѣста, или наконецъ и по другимъ обстоятельствамъ, могущимъ подать поводъ къ подозрѣнію.

всего въ совершении преступленія требовались полнѣйшія, по понятіямъ того времени, противу него доказательства. Думаю даже, что слова послѣдней изъ приведенныхъ статей: «*окозъ имють на «жолыза, по свободныхъ лодинъ рачи, лубе ли замалалъ будеть, лубе «прохоженіе почалозъ» и проч., указываютъ преимущественно на производство дѣла о закигательствѣ.*

Замѣчу еще, что законъ предписываетъ истцу, вызывающему отвѣтника на испытаніе жегѣвомъ по показанію холопа, произносить слова: «*по сею (холопа) рачи смлю тѣ, по азъ смлю тѣ, «а не жолозъ».* Слова эти имѣютъ видъ юридической формулы, (*solempnia verba*) и, можетъ быть, дѣйствительно формулу эту обязанъ былъ произносить истецъ съ требуемою въ такихъ случаяхъ торжественностію. Можно даже предположить, что подобныя торжественныя мѣрѣнія опредѣлены были, ежели не закономъ, то по крайней мѣрѣ обычаемъ, и для другихъ судебныхъ случаевъ и для разныхъ юридическихъ сдѣлокъ. Прописанныя сейчасъ слова ведутъ наконецъ къ заключенію, что холопъ, какъ человѣкъ несвободный, принадлежавшій воплнѣ своему господину, не могъ быть никогда истцомъ, тѣмъ болѣе, что если бы искъ его оказался несправедливымъ, то не было бы возможности взыскать съ него что-нибудь, какъ съ челоука, не имѣвшаго собственности. Свободный же челоука, основывая требованія свои на показаніи холопа и произнося: «*азъ смлю тѣ, а не жолозъ»*, показывалъ тѣмъ самымъ, что онъ готовъ, въ случаѣ потери иска, отвѣчать и казнѣ, и несправедливо обвиняемому отвѣтчику.

Разсмотрѣнными до сего времени статьями ограничивается кругъ постановленій Русской Правды, имѣющихъ въ виду огражденіе недвижимаго имущества частныхъ лицъ.

Обращаюсь теперь къ наслѣдованію постановленій, направленных на охраненіе движимаго имущества. Статьи, сюда относящіяся, довольно многочисленны, и я постараюсь расположить ихъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, смотря по различію предметовъ, до которыхъ онѣ касаются.

Прежде всего слѣдуетъ, какъ я думаю, обратить вниманіе на статьи, опредѣляющія мѣры огражденія противу похищенія разныхъ предметовъ движимаго имущества, или постановленія о воровствѣ. Нѣкоторыя изъ статей, относящихся къ этому предмету, имѣютъ видъ общихъ, такъ сказать, правилъ, другія, напротивъ, указываютъ на особенные случаи, къ которыхъ эти общія правила могутъ быть воплнѣ или отчасти примѣнены.

Къ числу общихъ постановленій о воровствѣ относятся, по изданію Калачова, слѣдующія статьи:

LXXXV.

«Аже убитъ оштрафована у клятви, или у коля, или у овлада, или у коровъ татыбы, то убиты съ пса мѣсто; а тоеже поконъ «и тисунцу»».

Ст. LXXXVI.

«А оже убитъ кою у клятви, или у котором татыбы, то «убитъ и съ пса мѣсто. Оже ли и додържатъ до свѣта, то естми «и на класъ дворе; оже ли убитъ и, а уже будутъ видѣли люди «и связана, то платити съ томъ 12 гривенъ»¹⁾.

Ст. LXXXVII.

«Оже убивъ тать, а подымуть ном во дверь²⁾, или убитъ; «если подымуть ном за ворота, том платити съ немъ».

Всѣ три статьи заключаютъ, какъ видимъ, одну основную мысль: что хозяинъ вещи можетъ застигнутого на мѣстѣ преступленія вора убить съ пса мѣсто, или, какъ говорится еще и теперь въ просторѣчьи, какъ собаку (ни за собаку), т. е. безнаказанно, не подвергавшись за то никакой отвѣтственности.

Но притомъ каждая изъ этихъ статей служитъ какъ-бы дополненіемъ и поясненіемъ другихъ. Можно даже предполагать, что онѣ суть не иное что, какъ различныя, въ разное время появившіяся редакціи одного и того же закона. Между тѣмъ какъ первая изъ нихъ, быть можетъ, древнѣйшая, позволяетъ просто убить вора безнаказанно, во второй постановляется уже ограниченіе, состоящее въ томъ, что ежели вора успѣли поймать живого и додержали до свѣта, то не позволялось уже убивать его, подл опасеніемъ уплаты пени въ 12 гривенъ (?) Третья, наконецъ, изъ приведенныхъ статей³⁾ указываетъ какъ-бы на возникшее сомнѣніе о томъ, былъ ли дѣйствительно воръ убитъ на мѣстѣ преступленія (гдѣ его позволялось убить), или же внѣ этого мѣста, внѣ двора. Сомнѣніе разрѣшалось отыскиваніемъ слѣдовъ ногъ убитаго, внутри двора и за воротами его. Какъ бы то ни было, видно по крайней мѣрѣ, что мысль о безнаказанномъ убіеніи вора, застигнутого на мѣстѣ преступленія, была, такъ сказать, задуше-

¹⁾ Статья эта имѣетъ еще другое чтеніе, по 1 списку, и это чтеніе тѣмъ въ особенности отличается отъ приведеннаго, что въ концѣ статьи, вмѣсто «платити съ томъ 12 гривенъ» сказано просто: «платити съ немъ». Кромѣ того вмѣсто «то «убитъ съ пса мѣсто» читаемъ, «то том убитъ».

²⁾ Эверсъ думаетъ, что надобно читать: во дворъ.

³⁾ Она находится въ одномъ только спискѣ, именно 4. См. изд. Калачова, стр. 113, примѣч.

вною мыслию, глубоко укоренившися въ сознаниі народномъ и въ умѣ законодателей. Мы видѣли уже прежде, что она наша для себя выраженіе въ договорѣ Олега съ Греками, видимъ ее здѣсь, и наконецъ эта же мысль проявляется, быть можетъ, и въ одной изъ статей договора, заключеннаго Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ Ригомъ и Готландіею. Статья 24 этого договора, по изданію Раковецкаго ¹⁾, гласитъ слѣдующее:

*«Который Русинъ или Латвийскій илиже тотъ, надѣ тьмѣ кіему соел свѣл, камъ іемо хочеть, тамъ дерожеть». Изъ словъ: «надѣ тьмѣ (т. е. надѣ пойманннхъ воровъ) кіему соел свѣл», можно было бы сдѣлать предположеніе, что хозяинъ, пойманннй вора, могъ даже и убить его; послѣднія однако слова: «камъ іемо а хочеть, тамъ дерожеть», заставляютъ думать, что при постановленіи этой статьи имѣли въ виду именно тотъ случай, когда воръ, не представляя сопротивленія, взятъ былъ живымъ. Тогда хозяину предоставлено было право поступать съ нимъ какъ ему было угодно и держать его въ заключеніи (вѣроятно до окончательной съ нимъ раздѣлки) гдѣ самъ пожелаетъ. Если же это такъ, то какъ Русская Правда велитъ пойманнаго вора вести на князь дворъ, гдѣ онъ конечно былъ судимъ и наказуемъ независимо отъ произвола пойманнаго его хозяина, договоръ Мстислава Давидовича обращается какъ бы вспять, къ началамъ, которыя мы уже видѣли въ Олеговомъ договорѣ, и, подобно ему, участь пойманнаго вора предоставляетъ произволу обиженнаго, частнаго лица. Независимо отъ сего воръ, который оказывалъ какое-нибудь сопротивленіе и котораго хозяинъ, въ первомъ порывѣ гнѣва, убивалъ, считался вѣроятно, по смыслу договора съ Ригомъ и Готландіею, точно также какъ и по смыслу Правды, убитымъ *свѣ вса мѣсто*. Карамзинъ ²⁾ и нѣкоторые другіе писатели, желающіе, можетъ быть, очистить законодательство славяно-русское отъ умрека въ жестокости, столь несообразной, по ихъ мнѣнію, съ приписываемому древнимъ Славянамъ мягкостію характера, старались доказать посредствомъ разнаго рода сближеній, что законъ, дозволившій убивать вора на мѣстѣ преступленія, не былъ закономъ кореннымъ, а что онъ заимствованъ изъ законодательства скандинавскаго.*

Весьма возможно, что постановленія Русской Правды имѣютъ довольно даже близкое сходство съ постановленіями скандинавскими о томъ же предметѣ, но едва-ли можно ужѣ по-этому утверждать рѣшительно, что первыя были составлены подѣ влияніемъ послѣд-

¹⁾ Rakowiecki, Prawda Russka, т. II. стр. 31.

²⁾ Ист. Гос. Росс. изд. 1. т. I. стр. 237 и 481, прим. 503.

нихъ. Защищать себя и свою собственность всѣми возможными средствами, хотя бы даже чрезъ лишеніе жизни того, кто на нихъ нападаетъ, есть конечно такое право, которое человѣкъ, не достигшій еще высшаго гражданскаго образованія, независимо отъ своей народности, считаетъ своею неотъемлемою принадлежностію. Здѣсь надобно искать причины сходства постановленій, ограждающихъ право собственности у различныхъ народовъ. Во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ воровство наказываемо было очень строго, всегда почти смертію¹⁾.

Всего однако замѣчательнѣе то, что Статутъ Литовскій, котораго послѣдняя редакція появилась уже въ концѣ XVI столѣтія и который до недавняго еще времени имѣлъ обязательную силу, содержитъ постановленія, живо напоминающія опредѣленія Русской Правды, что и онъ также допускаетъ, какъ видно, безнаказанное убіеніе застигнутаго на мѣстѣ преступленія вора²⁾, предписывая притомъ, съ большою подробностію, какъ именно долженъ поступить въ этомъ случаѣ хозяинъ — убійца для того, чтобы доказать предъ судомъ, что онъ дѣйствительно убилъ вора при совершеніи имъ кражи и чтобы такимъ образомъ избѣгнуть судебнаго за то преслѣдованія.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ общихъ постановленій о воровствѣ, Русская Правда содержитъ еще довольно много статей, опредѣляющихъ, съ одной стороны, какому наказанію долженъ подвергнуться воръ, когда преступленіе его доказано, а съ другой стороны, въ какой мѣрѣ долженъ быть вознагражденъ хозяинъ украденной вещи за потерянный имъ убытокъ.

Изъ содержанія этихъ статей нашего памятника мы убѣждаемся, что не только мѣра вознагражденія частнаго лица, что очень важно, но самое наказаніе за воровство, наказаніе, состоявшее болѣею частію въ платежѣ опредѣленной пени или т. наз. *продажи* въ пользу князя, было различно, смотря на различіе украденныхъ вещей. Въ сущности воровство есть всегда воровство и характеръ этого противозаконнаго дѣйствія нисколько не зависитъ отъ различія похищаемыхъ предметовъ и различной ихъ цѣнности. Скорѣе можно бы допустить, что на опредѣленіе сущности этого престу-

¹⁾ Сравни. Młaciejowskiego *Historya Prawodawstw Słowian'skich*, т. II. 1832 г., стр. 162 и слѣд.

²⁾ Statut Litewski, Rozdz. XIV, art. 21. § 1. «*Gdzieby kto złodzieja przy liow w domu sioytn zabił etc.*» . . . . . ; также Rozdział XIV art. 26 § 2; у Раковскаго *Pr. R.* т. II, стр. 66 и 67, примѣч. (i).

вліянія можуть имѣть вліяніе побудительныя причины, заставивши чловѣка рѣшиться на похищеніе чужой собственности. Ясное и точное раскрытіе этихъ причинъ могло бы конечно иногда значительно ослабить понятіе о виновности преступника, иногда напротивъ усилить его. Къ сожалѣнію, раскрытіе внутреннихъ побужденій, заставляющихъ чловѣка дѣйствовать такъ или иначе, не можетъ быть предметомъ судебныхъ доказательствъ; по крайней мѣрѣ доказательства эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы совершенными. По-этому-то, можетъ быть, даже законодательства, намъ современныя, мало обращаютъ вниманія на побужденія чловѣка, совершившаго противозаконное дѣйствіе, въ особенности, когда оно направлено было противу права собственности, и во многихъ случаяхъ причиняемый преступникомъ матеріальный вредъ служитъ мѣриломъ для опредѣленія степени наказанія. Не удивительно послѣ того, ежели древнія, неразвѣтныя еще законодательства руководятся этимъ же началомъ.

Изъ всѣхъ предметовъ движимаго имущества, конь, какъ животное, самое необходимое въ домашнемъ быту и на войнѣ, былъ предметомъ особенной заботливости закона, и потому за кражу его виновный выдается князю головою или на *потокъ*. Это окрывается изъ

Ст. LXXII.

«Аще будетъ конскій тать то выдати и князю на потокъ, акакъ же будетъ клятмый тать, то 5 гривенъ платити ему за то».

Нельзя положительно сказать, было ли разграбленіе дома или конфискація имущества необходимымъ слѣдствіемъ выдачи на *потокъ*. Скорѣе можно думать, что нѣтъ; потому-что въ другихъ статьяхъ *Правды*, которыми опредѣляются наказанія убійцѣ и зажигателю, упоминается ясно не только о поточеніи преступника князю, но и о разграбленіи его имущества. Наказаніе падало такимъ образомъ не на одного только виновнаго, но и на его семейство. Напротивъ въ приведенной сейчасъ статьѣ говорится объ одномъ только *потокѣ*, изъ чего заключить можно, что, хотя воръ, укравшій коня, подвергался самому строгому изъ наказаній, опредѣленныхъ за воровство, по крайней мѣрѣ тяжесть наказанія падала на него одного, семейство же его не терпѣло отъ этого никакихъ лишеній.

За похищеніе или кражу другихъ предметовъ движимаго имущества опредѣляются болѣе или менѣе значительныя пени (продажа), смотря по особенному возрѣнію того времени на цѣнность украденныхъ вещей. На это ясно указываютъ:

Ст. CXI.

«Аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривенъ продасть».

Ст. СХ.

«*Аколи крадетъ гумко, или охито въ ямъ, то колмо нхъ будеть крало, то есамъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а у ншо ош будеть помыбло, то ошо будеть лице, то лицемъ помметъ, а за лшо вземеть по полу гривнѣ».*

Ст. СVIII.

«*Ако ли украдетъ кто скотъ въ длакъ, или клити, то ошо будеть одитъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ, а будеть ли нхъ мною, то есамъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити».*

Ст. СІХ.

«*Ако ли украдетъ кто скотъ на помъ, или ошци, или козы, или свишь, то 60 кунъ, а будеть ли нхъ мною, то есамъ по 60 кунъ¹⁾.*

Ст. СХII.

«*Ако ли кто украдетъ въ чешей перевъси чій пестъ, или соколъ, или ястребъ, то продаже 3 гривны, а юсподилу за тищину гривна».*

Ст. СХIII.

«*Ако пчелы авдереть кто, 3 гривне продаже, а за медъ, ошо будеть пчелы неавлажель, то 10 кунъ, будеть ли олакъ рекше ашъздо, то 5 кунъ».*

Ст. СХIV.

«*Ако кто лодью украдетъ, то 60 кунъ продаже, а лодью мшцель ошль воротити, а не будеть ли лицамъ, то за морскую лодью 3 гривне, а за набойную лодью 2 гривне, а за челмъ 20 кунъ, а за струнъ гривна».*

При неопредѣленной теперъ еще цѣнности денегъ разсма-
триваемаго нами времени, трудно сѣбовать совершенно отчетливое понятіе о разной величинѣ пеней, опредѣленныхъ за похищеніе разныхъ вещей. Впрочемъ это и не имѣетъ особеннаго юридическаго интереса. Для насъ всего важнѣе то, ежели мы можемъ открыть и сознать общія начала, которыми въ этомъ случаѣ руководилось древнее законодательство.

Предметомъ особенной его заботливости было, какъ видно изъ приведенныхъ статей, обезпеченіе цѣлости и спокойнаго владѣнія вещами, къ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности относящимися. О похищеніи наличныхъ денегъ и драго-

¹⁾ Эта статья и предшествующая имѣютъ еще и другое чтеніе (по 1 списку, офан. над. Калачова), которое тѣмъ въ особенноти отличается отъ чтенія по большинству списковъ, что вмѣсто 30 и 60 кунъ продажи, тамъ назначается 30 и 60 рѣзавъ.

цѣнностей вообще нигдѣ не упоминается, изъ чего вывести можно заключеніе, что эти предметы были тогда довольно рѣдки ¹⁾ и хранились, что называется, *подъ судою*. Самая высокая пеня (12 гривенъ) назначается за кражу бобра. Кажется, что въ старину, хотя бобровъ и нельзя причесть къ разряду домашнихъ животныхъ, Славяне, не только русскіе, но и другіе, зачисляли ихъ разведеніемъ и илѣи правильно устроенныя бобровыя хозяйства. Знаменитый польскій ученый, Фадей Чапскій ²⁾, утверждаетъ, что многія постановленія XIII столѣтія упоминаютъ объ особенныхъ даже чиновникахъ въ Польшѣ, называемыхъ *бобровниками*, а изъ одной рукописи 1229 года, писанной на латинскомъ языкѣ и принадлежавшей этому ученому, усматривается, что около Пултуска такъ были устроены бобровыя хозяйства, что владѣльцы умѣли даже подбирать цѣлыя стада одношерстныхъ бобровъ, преимущественно черныхъ (*castores nigricini*). Вѣроятно въ подобномъ же состояніи находилась эта отрасль хозяйства въ древней Россіи.

Далѣе опредѣляются пени, болышею частью въ 3 гривны, за кражу верхового и немолоченнаго хлѣба (первый хранился въ амхѣ, послѣдній въ гумнахъ), за похищеніе домашнего скота изъ хлѣва или клѣти, равно какъ и въ полѣ. Такъ-накъ охота была вѣроятно не только любимымъ занятіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыльною отраслю промышленности, то во-этому за похищеніе охотничьей собаки, ястреба и сокола опредѣляется стоъ же почти высокая пеня, какъ и за кражу домашнего скота. Равнымъ образомъ съ точностію обозначены пени за похищеніе пчелъ, также рѣчныхъ и морскихъ ладей ³⁾.

Всего замѣчательнѣе для насъ должно быть то, что, какъ это видно изъ содержанія статей CVIII — CX включительно, всѣ участники преступленія подвергались равному наказанію, именно каждый изъ нихъ порознь долженъ былъ заплатить полную, опредѣленную за тотъ или другой видъ покражи пеню, хотя бы даже 10 человекъ одну овцу украли ⁴⁾. Хотя опредѣленіе это находимъ мы только въ статьяхъ, упоминающихъ о кражѣ скота и хлѣба, можно однако думать, что это же правило приглаголюемо было и къ другимъ видамъ похищенія чужой собственности, а можетъ быть, даже и

¹⁾ Сравн. Рейца, переводъ Морошкина, стр. 67, § 16.

²⁾ *Szaski o Litewskich i Polskich Prawach*, т. II, стр. 264.

³⁾ Описаніе разныхъ сортовъ ладей см. у Раковецкаго *Pr. R.* т. I, стр. 139 — 141.

⁴⁾ Это видно изъ варіанта СІХ ст., во 1 списку (сравн. изд. Калачова).

къ другимъ преступленіямъ. Какъ скоро человѣкъ достигъ сознанія справедливости въ отдѣльномъ какомъ нибудь случаѣ, то ему не трудно уже пригнѣнить свое о ней понятіе къ другимъ подобнымъ же явленіямъ и такимъ образомъ возвести его на степень общаго начала. Это даже, мнѣ кажется, есть одно изъ желаній, врожденныхъ человѣческому уму. Замѣчу наконецъ, что въ Статутѣ Литовскомъ находимъ опять постановленія, весьма сходныя съ тѣми статьями Правды, въ которыхъ устанавлиются пени за похищеніе охотничьихъ птицъ и собакъ, также за кражу пчелъ и меда. Само собою разумѣется, что постановленія Статута болѣе подробны и опредѣлительны; это однако не мѣшаетъ замѣчать явное на нихъ вліяніе правилъ разсматриваемаго нами памятника. Надобно даже удивляться, что не смотря на промежутокъ времени, заключающій въ себѣ около 400 лѣтъ и раздѣляющій оба эти законодательныя сборника, въ томъ и другомъ встрѣчаемъ мы еще одинаковыя подробности и даже одни и тѣже слова. Такъ, напримеръ, въ Литовскомъ Статутѣ ¹⁾ различается, такъ же какъ и въ Правдѣ, похищеніе пчелъ *лажюмыхъ отъ нелажюмыхъ*; здѣсь и тамъ говорится о *переваси* и о *первасьной сѣтѣ* и т. п. ²⁾ Не есть ли это довольно убѣдительно доказательство тому, что Правда Русская имѣла даже въ Литвѣ обязательную силу закона и принята была, при составленіи Статута Литовскаго, за одно изъ главныхъ руководствъ?

Независимо отъ болѣе или менѣе значительной пени, которою виновный въ похищеніи чужой собственности долженъ былъ удовлетворить хозяина за претерпѣнный имъ убытокъ, общее въ этомъ случаѣ правило было, кажется, то, что украденная вещь возвращаема была *лмчамъ* прежнему ея хозяину, если же лица уже не было, то воръ обязанъ былъ заплатить за нее опредѣленную цѣну (урокъ), а иногда и болѣе того, въ вознагражденіе за *обиду*, противозаконнымъ дѣйствіемъ его причиненную хозяину украденной вещи.

Нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ статей Правды, рядомъ съ постановленіями о пеняхъ, содержатъ также указанія на

---

¹⁾ Stat. Lit. Rozdz. X. art. 13. § 2. . . . . «*Za barc' ze pszczołami nie podrabanemi 3 ruble groszy*». (у Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 93).

²⁾ Stat. Lit. Rozdz. X, art. 8, § 3. «*A ktoby przewies' komu drugiemu poraboi, abo niec' przewies' na skradł, ma zapłacic' 6 rubli <groszy, a za niec' kopę groszy zapłacic' >*» (у Раповскаго, тамъ же, стр. 96).

то, въ какой мѣрѣ долженъ быть удовлетворенъ хозяинъ, потерпѣвшій убытокъ. Такъ въ ст. СХ значителъ, что тотъ, у кого украденъ хлѣбъ, получалъ его обратно, «а за лѣто възметъ по полу-гривнѣ». Послѣднiя слова обыкновенно объясняются такъ, что хозяинъ покраденнаго хлѣба, сверхъ того, что получалъ его обратно, имѣлъ еще право на вознагражденiе со стороны вора за понесенный убытокъ вслѣдствiе того, что воръ отнялъ у него возможность пользоваться этимъ хлѣбомъ въ теченiи лѣта¹⁾. Далѣе ст. СХП, кромѣ пени за кражу собаки и сокола или ястреба, опредѣляетъ еще вознагражденiе хозяину ихъ: «а господарю за тицину гривна». Точно также въ ст. СХШ (о пчелахъ) независимо отъ пени за выдранiе пчелъ назначается вознагражденiе за медь, 10 и 15 кунъ, смотря по тому, были ли пчелы *мелажены*, или только гнѣздо отъ нихъ (олекъ). Нѣкоторые подъ словомъ *олекъ* понимаютъ *улей* и въ такомъ случаѣ надобно его противопоставить борти. Наконецъ въ ст. СХIV опредѣляется, что воръ, кромѣ пени, долженъ былъ или возвратитъ хозяину украденную ладью, или, когда ея не было въ наличности, заплатить за морскую ладью 3 гривны, за набойную 2 гривны, за стругъ гривну, а за челнъ 20 кунъ.

Кромѣ приведенныхъ указанiй на вознагражденiе хозяина, потерпѣвшаго убытокъ, есть еще нѣсколько статей, относящихся непосредственно къ этому предмету, таковы:

Ст. ХLI.

«Паки ли лица не будетъ, аще будетъ клѣкъ конь, то платити за нъ 8 гривны, а за ильскъ по 2 гривнѣ».

Ст. ХLII.

«Оже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривну, а за корову 40 кунъ, а за третяку 30 кунъ, а за лонцацку полгривны, а за теля 5 кунъ, а за свиню 5 кунъ, а за порося когата, а за оцю 4 кунъ, а за баракъ когата, а за осеребець, оже будетъ не ест 4 дано лань, то гривна кунъ дати за нъ, а за осеребля 6 когата, а за коровiе молоко 6 когата. То ты уроци смердолмъ, оже платити 4 килю продажо».

Ст. ХLIII.

«А за голубъ 9 кунъ, а за куря 9 куня, а за утовъ 30 кунъ».

Ст. ХLIV.

«А за лусъ 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за осераель 30 кунъ».

При опредѣленiи мѣры вознагражденiя частнаго лица, потерпѣвшаго убытокъ, принимаемы, быть можетъ, были во вниманiе

¹⁾ Сравни. впрочемъ Раковецкаго Pr. R. т. II, стр. 69. примѣч.

еще и тѣ статьи Правды, въ которыхъ съ такою точностію обозначается приращеніе всякаго рода вещей, находившихся въ чужомъ пользованіи, по истеченіи опредѣленнаго времени¹⁾. Что касается до четырехъ только-что прописанныхъ статей, которыя по всей справедливости можно почесть за одну, то изъ нихъ я нахожу возможнымъ вывести одно только заключеніе, именно то, что собственность князя цѣннѣе была выше, нежели собственность частныхъ лицъ. На это указываетъ именно ст. ХLI, въ которой значится, что за княжескаго коня надобно было заплатить 3 гривны, а за коня, частному лицу принадлежащаго, только 2 гривны. Нельзя ли предположить, что это частное постановленіе о конѣ имѣло также значеніе общаго правила и что въ такой же соразмѣрности надобно было платить и за другія у князя украденныя вещи? Ежели, напримѣръ, за похищеніе какой-нибудь вещи у частнаго лица назначено было вознагражденіе въ 20 кунъ, то за похищеніе этой же вещи, если она принадлежала князю, надобно было заплатить 30 кунъ. Можетъ быть, требовалось при томъ, чтобы вещь носила на себѣ признаки, что она дѣйствительно принадлежала князю; такъ по крайней мѣрѣ надобно думать, судя потому, что сказано въ вариантѣ статьи о конѣ: «а за княжескаго коня, може той съ племомъ, 3 гривны» и проч.²⁾.

Таковы были постановленія Русской Правды о похищеніи чужой собственности людьми свободными.

Но весьма многочисленный классъ народонаселенія въ тогданшее время составляли люди несвободные—рабы или холопы. Чаше, можетъ быть, нежели люди свободнаго состоянія позволяли они себѣ похищать чужія вещи, иногда по нуждѣ, а иногда и по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ.

Какъ бы то ни было, законодатели должны были замѣтить, что правила, установленныя для огражденія частной собственности отъ противозаконныхъ дѣйствій свободныхъ людей, не могли быть применимы къ таковымъ дѣйствіямъ людей несвободныхъ, слѣдовательно нерасполагавшихъ собою и, въ строгомъ смыслѣ, не имѣвшихъ другого значенія кромѣ значенія движимыхъ вещей. Вотъ почему въ разсматриваемомъ памятникѣ русскаго законодательства находимъ нѣсколько особенныхъ правилъ о воровствѣ, совершенномъ холопами. Правила эти выражены въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. XLVI.

(Она имѣетъ два замѣтно различныя чтенія).

а. *А аже ли будутъ холопы татѣ, то судъ князю, либо князю*

¹⁾ Именно въ ст. XXII — XXXVII вкл., по изд. Калачова.

²⁾ См. изд. Калачова, ст. ХLI, по 1 стр.

«любо болретиши, любо чернчи, изъ же клязь продаюмо не кажити, «закже суть не свободнии, то двоици платити истцу за обиду». (Таково чтение во большинству синсковъ).

б. *Аже будеть холопски тати, то суди клязь, изъ же клязь «обиду платити истцу». (Чтение по 33 и 34 синскамъ).*

Ст. XLIX.

«Аже ли холопъ покрадетъ свое любо, то исподину выкупати ем, любо выдати и съ кимъ будеть крамъ: а аже ли, ни дятель не «ладобе, а аже будеть съ нимъ крамъ или хоронили, то асхъ изъ «выдати. Паки ли я выкупають исподинъ, аже ли будуть свободнии съ нимъ, крамъ или хоронили, то есъ клязю об продаюмъ».

Ст. XLVII.

«Аже холопъ обильный выведеть конь чий любо, то платити азамъ исподину ео 2 гривенъ.

Двѣ главы изъ приведенныхъ статей заключаютъ какъ-бы общія правила относительно кражи, совершенной холопами; другія двѣ, напротивъ, указываютъ на особенные случаи. Смыслъ общихъ правилъ, кажется, тотъ, что, ежели воръ оказался человѣкомъ несвободнымъ, а принадлежащимъ кому-нибудь холопомъ, то такъ-какъ холопъ ничего своего не имѣлъ, и нельзя было подвергнуть его пенѣ въ пользу князя. Частное лицо однако, потерпѣвшее убытокъ, не должно было оставаться безъ удовлетворенія. Хозяинъ раба, совершившаго кражу, долженъ былъ заплатить обиженному лицу вдвое противу того, чего стоила украденная вещь и тѣмъ какъ-бы выкупить своего холопа; если же онъ не хотѣлъ выкупить своего раба, то обязанъ былъ выдать его головою хозяину украденной вещи, и не только его одного, но и всѣхъ, непосредственно участвовавшихъ въ кражѣ или только по-творствовавшихъ этому преступленію черезъ укрывательство воровскихъ вещей. Законъ однако ливонгъ образомъ отдѣляетъ участь вора отъ участи его семейства, постановляя, что жена и дѣти холопа, совершившаго воровство, не выдаются вмѣстѣ съ нимъ, развѣ только, когда они также участвовали въ кражѣ или же хранили украденныя вещи. Ежели въ совершеніи воровства или утайкѣ вещей вмѣстѣ съ холопомъ участвовали свободные люди, то, хотя бы господинъ выкупилъ своего холопа, всѣ прочіе не освобождались уже черезъ это отъ наказанія, напротивъ каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить князю опредѣленную закономъ продажу. И такъ здѣсь опять видимъ мы, что не только всѣ соучастники преступленія, но и укрыватели подвергались равному взысканію.

Особенное правило постановляется на тотъ случай, когда бы

чей-нибудь холода, бѣжать, следовательно вышедши на время, хотя и незаконно, изъ-подъ непосредственной власти и присмотра своего господина, свести что-либо отъ сосѣдей его. Хозяинъ бѣжавшаго и потомъ украшаго что-либо раба могъ конечно отказать отъ него и предоставить его распоряженію потерпѣвшаго убытокъ; но ежели онъ хотѣлъ получить своего холода обратно, то долженъ былъ заплатить хозяину украденной вещи только цѣну ея (уроки платити), не бывъ обязаннымъ платить за нее вдвое, какъ-бы во вниманіе къ тому, что хозяинъ бѣлага раба не имѣлъ уже возможности присматривать за его дѣйствіями.

Въ послѣдней наконецъ изъ прописанныхъ статей постановляется, что ежели чей-либо холода уведеть чужого коня, то господинъ его долженъ за него заплатить 2 гривны (за княжескаго коня, быть можетъ, 3 гривны). Не могу понять, почему за кражу коня холодомъ господинъ его платилъ только обыкновенную обиду¹⁾, между тѣмъ какъ по общему правилу онъ бы долженъ былъ платить вдвое.

Кромѣ людей свободныхъ и несвободныхъ, были еще въ древней Россіи такіа лица, которыя, не теряя личной свободы, состояли однако, хотя и временно, въ столь тѣсной зависимости отъ другихъ лицъ, что ихъ можно назвать людьми полусвободными: это такъ называемые закупы или закупки, т. е. люди, которыхъ дѣятельность и личная свобода закуплена была на опредѣленное время другими за известное количество денегъ. Такіе закупы легко могли обратиться въ людей совершенно несвободныхъ — въ холодовъ, ежели, напримѣръ, они дѣлали покушеніе на бѣгство отъ господина, во власти котораго состояли²⁾. Объ этихъ полусвободныхъ людяхъ Русская Правда содержитъ довольно много постановленій, и между ними есть одно, которое именно указываетъ на тотъ случай, когда кража совершена закупомъ.

Ст. XXI.

«О закупъ. Око уведеть что, то господинъ отъ томи не платити³⁾, ни оскъ нидь налзуть и, то заплатити; передни оскъ стодитъ ео конь, или ино что будетъ ездити, а ему холода облыкны. Шаки ли господинъ ео не хотыши начити платити заи, а и продастъ и, отдастъ же переди или за конь, или за еолъ, или за товаръ, что будетъ чужою ездити, а прокъ ему самому ездити «объ»».

¹⁾ Сравни выше ст. XII.

²⁾ Сравни ст. XVII, изд. Калачова, стр. 87.

³⁾ «Не платити» прибавлено въ 12 и 40 спискахъ.

Начало этой статьи представляет повод из семитичности; именно потому-что въ некоторых спискахъ не достаетъ словъ: «*не платитъ*», въ другихъ напротивъ, хотя и не многихъ, слова эти прибавлены. Отсюда произошли различные переводы и толкованія этого текста. Некоторые, между прочими и Раковецкій¹⁾, не принимая во вниманіе словъ: «*не платитъ*» думаютъ, что когда закупъ увидетъ чью-либо скотину, то господинъ его долженъ заплатить. Напротивъ Эверъ²⁾ понимаетъ начало этой статьи такъ, что господинъ не отвѣчаетъ за своего закупа, если сей, съснши что-нибудь у посторонняго человѣка, скрывался и если онъ не былъ представленъ хозяину своему на лице. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ надобно, кажется, согласиться, принимая во вниманіе все, что читается непосредственно послѣ словъ: «*то господинъ отъ тома не платитъ*». Да, хозяинъ закупа не платитъ за него, покада его не отыщутъ, потому-что въ такомъ случаѣ хозяинъ теритъ бы двойной убытокъ, лишаясь и услугъ закупа и сверхъ того вознаграждая причиненный имъ кому-нибудь убытокъ. Но когда закупъ, совершившій кражу, былъ отысканъ и представленъ своему хозяину, тогда послѣдній, заплативъ за него владѣльцу украденной вещи, приобретае уже надъ закупомъ право полной собственности,—закупъ становится холопомъ. Впрочемъ законъ предоставляетъ хозяину закупа, безъ предварительнаго платежа за причиненный имъ убытокъ, продать его какъ раба, удовлетворить изъ вырученныхъ за продажу денегъ владѣльцу украденной вещи, остальное же взять себѣ въ вознагражденіе за деньги, которые онъ, по выраженію закона, *запустилъ* за закупа. Было ли это вознагражденіе достаточнымъ для господина закупа, или нѣтъ, объ этомъ уже законъ не заботится: довольно того, что онъ позаботился о томъ, чтобы равно хозяинъ украденной вещи, какъ и владѣлецъ закупа по возможности были удовлетворены.

Не лишнимъ считаю присовокупить здѣсь, что правила, опредѣляющія взаимныя отношенія господъ и слугъ, не чужды также законодательству другихъ славянскихъ народовъ, и что правила эти представляютъ довольно много общаго между собою; въ особенности во всѣхъ проглядываетъ желаніе закона быть по отношенію къ обѣимъ сторонамъ равно безпристрастнымъ и справедливымъ. Въ доказательство этого Раковецкій приводитъ цѣлый рядъ постановленій права чешскаго, короля Владислава, также Статута Вислицкаго Казимира V. и наконецъ Статута Литовскаго³⁾. Ближай-

¹⁾ Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 84.

²⁾ Ewers d. Alt. R. d. R. S. 330 und 340, Anm. 27.

³⁾ Rakowiecki Pr. R. т. II, стр. 83 и 84, прим. (u)

наше сходство съ статьею Правды о закупѣ, совершившемъ кражу, имѣеть постановленіе Вислицкаго Статута: «*Si famulus alicujus, dictus Goloma* (дословно—гольшигъ, бѣднякъ) *aut alias Oblomok* (обломокъ—какъ-бы ничтожная часть общественнаго союза), *vicino Domini sui* «*aut alieno damnum intulerit, aut injuriatus fuit, Dominus ipsius pro ipso «satisfacere teneatur»*¹⁾»).

Если древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства включаетъ въ себѣ, съ одной стороны, особенныя правила о кражѣ, совершенной холопами, то, съ другой, онъ не могъ также не обратитъ вниманія на то, что холопы, какъ собственность частныхъ лицъ, могли въ свою очередь быть предметомъ похищенія, увода и другихъ видовъ противозаконнаго завладѣнія. Такъ-какъ притомъ холопы составляли конечно одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ частной собственности, то законодательство должно было позаботиться объ установленіи точнѣйшихъ мѣръ для обезпеченія спокойнаго или владѣнія. Мѣры эти дѣйствительно опредѣлены были, въ особенности въ тѣхъ статьяхъ Правды, которыя устанавливають порядокъ отысканія и возвращенія вещей, опознанныхъ настоящимъ ихъ хозяиномъ въ чужихъ рукахъ. Объ этихъ статьяхъ буду имѣть случай говорить нѣсколько ниже; адѣсь считаю необходимымъ указать только на одну статью, въ которой прямо говорится о кражѣ или уводѣ чужого раба и о пенѣ за такое противозаконное или завладѣніе. Она имѣеть два различныя чтенія:

Ст. CVII.

а. (по 1-му списку)

«Аже уведеть чююе холопа, либо рабу, платити ему за обиду «12 гривенъ».

б. (по большинству списковъ)

«А князю продаже 12 гривенъ от чюадинь, или украдеи или «уведети естъ».

Отсюда видно, что за уводъ и кражу холопа или рабы постановлена была пеня, равная той, какою подвергался виновный въ кражѣ бобра.

Изъ всего, что до сего времени сказано было о похищеніи чужой собственности, легко убѣдиться, что древнее русское законодательство имѣвало необыкновенную заботливость въ изысканіи мѣръ для огражденія имущества частныхъ лицъ отъ этого рода противозаконныхъ дѣйствій. Но оно не ограничилось указаніями на пеню, которыя виновный обязанъ былъ платить въ пользу князя, и на мѣру вознагражденія частныхъ лицъ за понесенный ими убы-

¹⁾ Vol. Legum, t. I, fol. 36; у Раковецкаго тамъ же стр. 85, пр. (w).

токъ: оне еще предоставило послѣднимъ всѣ способы для отысканія принадлежанца или имущества, но по тому или другому случаю находящагося въ чужихъ рукахъ. Способы эти опредѣляются въ слѣдующихъ статьяхъ Правды:

Ст. СXXXIII.

а. (по большинству списковъ)

«Аще кто конь поубитъ или оружіе, или перть, а заносельсть им на тѣру, а послѣднъ познаеть от своего города, и свое ему лицу взяти, а за обиду платити ему 3 гривенъ».

б. (По 1-му списку)

«Аще помнеть кто чюю коня, либо оружіе, либо перть, а познаеть от своего жиру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду».

Ст. СXXXV.

«Аще кто познаеть свое, что будетъ поубилъ, или украдено у него что, или коня, или перть, или скотина, то на рѣчи ему: а се мое, не: поиди на сводъ, иди вси взалъ¹⁾. Сведитесь, и кто будетъ свидѣть, на того татба сидеть. Тогда онъ свое взметъ, а аже что будетъ съ нимъ пошибло, тойже начлетъ ему платити».

Ст. СXXXVI.

«А свое будетъ от одного города, то ити истцо, до конца атого свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, а что будетъ лицомъ, то третьему платити кунами за алице, а съ лицомъ ити до конца свода, а истцо ходати прова. А аидъ сидеть на конечьяло, то тому все платити, и продаюю».

Ст. СXXXVIII.

«А из своего города от чююю землю свода плтуть, не такосъ²⁾ а извести ему послухы, либо мытника, передъ кымъ асе купитише; то истцю лицомъ взяти, а прока ему аселяти, что съ нимъ пошибло, а атому своимъ кумъ аселяти, дондасе наляеть».

Ст. СXXXIV.

«Аще челлдинъ сткрыеться, а заключитъ и на тѣру, а за а три дни не сведутъ его, а познати и от третій день, то своей челлдинъ полти, а атому платити 3 гривенъ продаюе».

Ст. СXXXVII.

«Аще кто познаеть челлдинъ своей украдетъ, а помнеть и, то атому естни и по кунамъ, до третьяго свода: полти асе челлдинъ от челлдина мьсто, а атому асе дати лицомъ, отъ иди и адо конечьяло свода; а то естъ не скоты нальзъ рѣчи: не ашь у

¹⁾ Въ 1-мъ спискѣ послѣ словъ: «идъ вси взалъ», прибавлено: «или а не поидеть, то поручника за пять днѣи».

²⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ: «тамъ асе».

«кого есмь купилъ, по по лзыку или до конча свода, а кдъ будетъ ко-
«лечкй татъ, то опять веротитъ челдына, а свой поиметь, и
«вротитъ тому же платитъ». ¹⁾

Прежде всего нужнымъ считаю замѣтить, что Калачовъ,
говоря о процессѣ въ дѣлахъ по воровству, высказалъ слѣдующее
о немъ мнѣніе. «Когда хозяинъ пропавшей вещи или скрывшагося че-
«лдына объявитъ немедленно объ этой пропажѣ во всеобщее свѣденіе
«на торгу, то, по отысканіи ея въ чужомъ владѣніи, имѣеть право
«взять предметъ иска у кого нашелъ, безъ всякихъ судебныхъ формъ,
«потому-что послѣдній предполагается воромъ безъ дальнѣйшихъ до-
«казательствъ и обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю про-
«дажу. Напротивъ, когда хозяинъ пропавшей вещи или челдына не
«объявитъ о томъ предварительно на торгу, онъ долженъ, для воз-
«вращенія ея въ свое владѣніе, отыскать действительно или пред-
«пологаемую закономъ вора. Но чтобъ установить этотъ искъ, хо-
«зяину необходимо найти пропавшую у него вещь или челдына: тогда
«онъ обращается къ илѣ незаконному владѣльцу, но не можетъ взять
«искъ у него прямо, а долженъ взять его на сводѣ» ²⁾. И такъ, Ка-
лачовъ думаетъ, что сводъ, или хожденіе истца отъ одного отвѣт-
чика къ другому, тогда только былъ употребляемъ, когда хозяинъ
пропавшей вещи не объявилъ на торгу о своей пропажѣ, если же
онъ это сдѣлалъ, то могъ взять ее у кого находилъ безъ всякихъ
судебныхъ формъ. Какой же хозяинъ послѣ того не позаботился
бы о томъ, чтобы, кликнувъ кличъ на торгу, избавиться отъ хо-
жденія по своду и имѣть право отнять вещь свою у каждаго, какъ
скоро опознаетъ ее? Ученый Эверсъ дѣлаетъ другое предполо-
женіе ³⁾. Онъ думаетъ также, что хозяинъ пропавшей вещи, опо-
знавъ ее въ чужихъ рукахъ, имѣлъ право взять ее безъ дальнихъ
околичностей (ohne weitere Umstände), какъ скоро не настало со-
мнѣнія, что эта вещь есть дѣйствительно его собственная, или когда
тотъ, у кого она была находима, не обнаруживалъ притязаній
на законное владѣніе ею: къ противномъ случаѣ надобно было
прибѣгнуть къ своду. Но часто ли могло случаться, чтобы тотъ,
у кого находима была чужая вещь, соглашался безъ дальнихъ око-
личностей отдать ее и не старался напротивъ доказать, что она
приобрѣтена имъ законнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, отдавая

¹⁾ Эверсъ думаетъ, что надобно читать, въ началѣ статьи, не
«по лзыку», а по концамъ или по концамъ, т. е. по частямъ
города (das ält. R. d. R. S. 339, Anm. 22).

²⁾ Калачова изсл. о Русск. Пр., стр. 128 и 129.

³⁾ Das ält. R. d. R. S. 279 ff.

вещь безорно, онъ какъ-бы самъ себя признавалъ воромъ и обязанъ былъ заплатить довольно значительную пеню? Конечно нѣтъ. Принявъ предположеніе Калачова, мы должны прійти къ заключенію, что къ своду прибѣгали очень рѣдко, быть можетъ, даже никогда. Напротивъ, допустивъ, что мнѣніе Эверса справедливо, надобно будетъ остановиться на мысли, что хозяинъ пропавшей вещи весьма рѣдко могъ получить ее обратно безъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ, — безъ употребленія свода. Равно Эверсъ, какъ и Калачовъ обнаруживаютъ мнѣніе, что хозяинъ, отыскивавшій вещь свою, могъ самоуправствомъ получить ее отъ того, въ чьихъ рукахъ она находилась, и полагаютъ, что это было очень естественно въ тогдашнемъ положеніи общества. Съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, тѣмъ менѣе, что постановленія Русской Правды, опредѣляющія порядокъ отысканія пропавшихъ вещей, по моему убѣжденію, нисколько не предоставляютъ произвола и самоуправства хозяину этихъ вещей, а, напротивъ, положительно предписываютъ ему соблюденіе извѣстныхъ формальностей. Въ этомъ, мнѣ кажется, довольно легко убѣдиться, рассматривая внимательно текстъ приведенныхъ статей Правды, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ мною прописанъ.

Въ первой изъ этихъ статей (СХХIII), представленной въ двухъ замѣчательныхъ вариантахъ, которые могутъ быть даже приняты за два отдѣльных постановленія, опредѣляется, что тотъ, у кого пропала лошадь, оружіе или платье, или у кого они были украдены, долженъ объявить о томъ на торгу, а если въ послѣдствіи времени онъ опознаетъ ихъ въ своемъ городѣ или своемъ міру у кого нибудь, то можетъ взять собственность свою *лицемъ* и доплатить еще 3 гривны за причиненную ему обиду. Эта-то статья подала поводъ Эверсу и Калачову думать, что хозяинъ пропавшей вещи могъ отнять ее у каждаго безъ дальнихъ обстоятельствъ или формальностей. Конечно, если бы въ Правдѣ не было еще другихъ постановленій, касающихся этого же предмета, то надобно было бы согласиться съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ. Но ежели эта статья нашего памятника предоставляетъ хозяину пропавшей или украденной вещи право взять ее обратно, то вслѣдъ за тѣмъ она также опредѣляетъ, какимъ именно образомъ онъ можетъ получить ее, устраняя мысль о самоуправствѣ, которое, равно въ быту общественномъ, какъ и въ такъ называемомъ *естественномъ состояніи* (*im Naturstande*)¹⁾, вело бы необходимо къ враждѣ, дракѣ или войнѣ. И дѣйствительно мы видимъ, что статья СХХV говоритъ положи-

¹⁾ Kwers, d. ält. R. d. R. S. 292.

тельно хозяину, отыскивающему свою собственность: если ты опознаешь у кого что-нибудь у тебя украденное или пропавшее, то не скажи ему: *это мое*, не скажи ему: *пойди на сводъ*, — *укажю, идя ты приобрѣлъ вещь, которую я нахожу у тебя и которая принадлежит мнѣ*. Если тотъ, у кого опознава вещь, не можетъ сейчасъ-же удовлетворить требованію истца, если что-нибудь препятствуетъ ему немедленно отправиться на сводъ, то онъ можетъ потребовать себѣ отсрочки на 5 дней, давъ по себѣ поручителей въ томъ, что по истеченіи сего срока онъ пойдетъ отыскивать того, отъ кого онъ приобрѣлъ опознанную у него вещь. Справедливо замѣчаетъ Эверсъ, что въ этомъ постановленіи положено начало законнымъ срокамъ, въ послѣдствіи времени столь разнообразнымъ и многочисленнымъ ¹⁾. Далѣе гласитъ та же статья: *сведитесь* (т. е. идите отъ одного приобретателя къ другому), а кто окажется виновнымъ (т. е. не будетъ въ состояніи доказать, что онъ законнымъ образомъ приобрѣлъ вещь отъ другого), на того *татиба свидеть* (т. е. тотъ будетъ призванъ воровъ, хотя бы дѣйствительно и не онъ укралъ вещь). Послѣ того первый истецъ возьметъ вещь свою лицомъ, а если вмѣстѣ съ нею еще что-нибудь пропало, то и за остальное долженъ будетъ заплатить тотъ, кто не могъ доказать законнаго приобрѣтенія отыскиваемой вещи.

Гдѣ же тутъ самоуправство? Я по крайней мѣрѣ не вижу его и радуюсь за древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства, что онъ умѣлъ устранить его, не смотря на то, что власть общественная не принимала еще никакого почти участія въ разбирательствѣ исковъ объ имуществѣ ²⁾ и предоставляла все самимъ тащущимся, при участіи только добрыхъ людей своего города или округа.

Сводъ, или хожденіе отъ одного приобретателя къ другому, подверженъ былъ известнымъ ограниченіямъ для пользы хозяина, отыскивавшаго пропавшую у него вещь. Такъ ст. СХХVI устанавливаетъ, что если всѣ приобретатели были въ самомъ (единномъ) городѣ, то истецъ долженъ былъ ходить до конца свода (т. е. покуда не отыскался тотъ, кто не могъ уже вести далѣе, не въ состояніи будучи указать на того, отъ кого онъ при-

¹⁾ Das ält. R. d. R. S. 282 и 283.

²⁾ За исключеніемъ тяжбы о раздѣлѣ наслѣдства между братьями, на что указываетъ ст. СХLIII: «*Акоже братья ростасяутся передъ княземъ о задницю, то которыхъ дѣлчкымъ и детьмъ и иже дѣлчкы, то тому взяти себѣ трима кунъ*».

бръль спорную вещь). Но ежели приходилось дѣлать сводъ по землям (т. е. внѣ городской черты), — *св землемъ*¹⁾, то истецъ обязанъ былъ ходить самъ только до третьяго свода (т. е. до 3-го приобрѣтателя), послѣ чего онъ получалъ деньгами (кунами) плату за свою вещь, которая, какъ поличное, оставалась въ рукахъ третьяго приобрѣтателя. Послѣдній долженъ былъ отправиться отыскивать того, у кого онъ купилъ вещь, а настоящимъ хозяинъ, получивъ цѣну ея, долженъ былъ покуда удовольствоваться этимъ, хотя бы кромѣ того еще что-нибудь вмѣстѣ съ этой же вещью у него пропало, за что бы онъ имѣлъ право требовать себѣ вознагражденія. Когда же отыщется послѣдній приобрѣтатель, не могущій доказать законность приобрѣтенія, то сей обязанъ былъ заплатить за все и кромѣ того пеню или продажу. Далѣе въ ст. СХХVIII указывается на тотъ случай, когда бы надобно было искать незаконнаго владѣльца внѣ опредѣленнаго вѣдомства, *св чужой земль*. Но по словамъ закона, въ чужой землѣ свода быть не должно; по-этому тотъ, на комъ остановился сводъ въ своей землѣ, ежели онъ хотѣлъ избавиться отъ платы за все пропавшее вмѣстѣ съ отыскиваемой вещью и отъ пени, долженъ былъ представить свидѣтелей или мытника, въ присутствіи которыхъ онъ купилъ вещь. Послѣ сего законный хозяинъ вещи получалъ ее обратно, но о прочемъ, вмѣстѣ съ нею пропавшемъ, онъ могъ только жалѣть (*на врока ему жалити*), точно также какъ и тотъ, на комъ сводъ остановился, могъ только жалѣть о своихъ деньгахъ, заплаченныхъ имъ за отнятую у него вещь, по крайней мѣрѣ покуда не представится ему случай отыскать того, у кого самъ онъ вещь эту купилъ.

На подобный же случай указываетъ еще правило о куплѣ краденныхъ вещей, изображенное къ

Ст. VIII.

«Паки ли будетъ что татѣное купилъ св тѣру или коня, или мурты, или скотину, то выведеть свободна мужа доа, или мытника; аже начынетъ не знати у кого купилъ, то ити по немъ етѣмъ видокамъ на роту. А истцю свое лицею взяти, а что ся аниимъ помыбло, тако ему жалити, а оному жалити своимъ кунъ, аже не знаеть у кого купилъ; а познаеть ли и на долъ у кого та акупилъ, та свое кунъ взметъ, и сему платити что у него будеть помыбло, а князю продажо».

¹⁾ Сравни. Rakowiecki Pr. R. т. II. стр. 139, прим. 51. У насъ и теперь еще въ извѣстныхъ случаяхъ отлучается городское вѣдомство отъ земскаго.

Изъ этой статьи видно, что свидетели, представляемые тѣмъ, кто желалъ избавиться отъ платежа пени, определенной за неправомерное присвоение чужой собственности, должны были дать присягу (идти на рожу) въ томъ, что они дѣйствительно присутствовали при совершении купли. Калачовъ на основаніи этой же статьи полагаетъ, что договоръ купли - продажи, для того, чтобы онъ имѣлъ юридическое значеніе, всегда долженъ быть совершаемъ и приводимъ въ исполненіе въ присутствіи 2 свидетелей и мытника¹⁾. Нельзя ли предположить скорѣе, что покупатель тогда только долженъ былъ для собственнаго спокойствія выводить 2 свидетелей или мытника, когда онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать, что продаваемая ему вещь есть краденная? Миѣ кажется, что это предположеніе болѣе сообразно съ духомъ того времени и тою доверчивостію, которая проглядываетъ во многихъ постановленіяхъ разсматриваемаго нами памятника.

Мы видѣли, каковы были общія постановленія о способахъ отысканія утраченной или украденной вещи: нельзя не удивляться ихъ ясности, полнотѣ и стройности. Но подобно тому, какъ и въ другихъ случаяхъ, и здѣсь также рядомъ съ общими правилами находятся еще особенныя опредѣленія объ отысканіи нѣкоторыхъ, такъ сказать, привилегированныхъ предметовъ собственности, именно украденныхъ или скрывшихся рабовъ. Впрочемъ эти особенныя опредѣленія не многіе отличаютъ отъ общихъ, разсмотрѣнныхъ уже правилъ.

Изъ словъ СХХIV статьи видно, что хозяинъ скрывшагося челядина объявлялъ о томъ на торгу, такъ же какъ и о другой пропажѣ. Послѣ такого объявленія, которое, будучи сдѣлано на торгу, считалось довольно гласнымъ, тотъ, у кого находился скрывшійся рабъ, обязанъ былъ *вывести* его въ теченіи трехъ дней (т. е., по моему мнѣнію, отвести его къ господину); ежели онъ этого не сдѣлалъ, а по истеченіи трехъ дней хозяинъ раба омовалъ его, то виновный не только долженъ былъ отъдать раба, но еще заплатить и 3 гривны пени²⁾. Впрочемъ и здѣсь также имѣетъ мѣсто сводъ, въ томъ случаѣ, когда бы опознанный рабъ попалъ къ послѣднему владельцу по одному изъ за-

¹⁾ Калачова Изслѣд. о Русск. Пр., стр. 83.

²⁾ Эверсъ думаетъ напротивъ, что тотъ, у кого скрывался рабъ, обязанъ былъ только выпроводить его изъ своего дома (Das ält. R. d. R. S. 285 и 286, nota 24). Надѣюсь однако найти подтвержденіе моему мнѣнію въ нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ Правды, о которыхъ буду сейчасъ говорить.

конныхъ способовъ приобрѣтенія. На это указываетъ именно статья СХХVI, въ которой заключаются особые правила о сводѣ при отыскиваніи рабовъ. По смыслу этой статьи, тотъ, у кого найденъ былъ бѣжавшій или украденный рабъ, долженъ былъ вести истца по частямъ города или концамъ до третьяго свода. Дошедши до третьяго приобрѣтателя, хотя бы и другіе были въ томъ же городѣ, хозяинъ отыскиваемого раба освобождался уже отъ дальнѣйшаго хожденія и, не дожидаясь окончательной раздѣлки, получалъ отъ третьяго приобрѣтателя одного изъ его рабовъ на мѣсто своего собственнаго, который оставался, какъ живое поличное, у того, кто долженъ былъ продолжать сводъ. Такъ-накъ, говоритъ весьма рационально законъ, рабъ не есть животное безусловное, то и нельзя покончить дѣла по отзыву о невидѣніи, у кого купленъ («*не емь у кою емь кумилъ*»); напротивъ надобно по языку (т. е. по указанію самого раба) отыскивать окончательнаго тата, т. е. тѣго, кто дѣйствительно укралъ раба или кто, скрывъ его у себя, не смотря на сдѣланное о пропачѣ объявленіе, не возвратилъ его хозяину и продалъ его какъ свою собственность другому. Этотъ окончательный тать долженъ былъ, разумеется, заплатить опредѣленную пеню и кромя того *проторъ*, т. е. убытка, отъ самого производства дѣла происшедшіе¹⁾. Украденный или бѣглый рабъ возвращался къ хозяину, который въ свою очередь долженъ былъ отдать третьему приобрѣтателю того раба, котораго онъ взялъ у него для временнаго пользованія его услугами въ замѣнъ своего собственнаго.

Въ непосредственной связи съ постановленіями, сейчасъ разсмотрѣнными, состоятъ еще нѣкоторыя статьи Правды, имѣющія въ виду обезпеченіе возврата рабовъ къ законному ихъ владѣльцу. Сюда именно относятся:

Ст. IX.

«Аже кто кърнеръ (купитъ) чюже холопъ, а не едал, то кърнеру юсподину холопъ полти, а оному кунъ имати, реть же-«днеше, ако не едал емь кумилъ; едал ли будетъ кумилъ, то «кунъ ему лишени быти».

Ст. XII.

«Аже ли холопъ бѣжитъ, а заповѣсть ею юсподинъ, еже слы-«шаетъ кто, или знаа, или едал, оже естъ холопъ и дастъ ему хлѣба «или указоеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ «кунъ, а за робу 6 гривенъ кунъ».

Ст. XIII.

«Аже ли кто не едал чюже холопъ усрлицеть, или повести

¹⁾ Это первый намекъ на вознагражденіе судебныхъ издержекъ.

«*дѣтъ* ¹⁾, любо дѣржати и у себе, а отидеть отъ него, то ити ему какъ ротъ, яко не еддакъ есмь оное естъ холопъ и бѣзаетъ, а платити ему въ томъ кѣтъ».

Ст. LIV.

«*Оже кто переимать чужою холопъ или робу и подастъ естъ господину ею, то имати ему переимъ гривна кунъ; не 'ублюдетъ али холопа, то платити ему 4 гривны кунъ за холопъ, а платя е ему переима, оже ли будетъ роба, то дати ему 5 гривенъ, а шестая е на переимъ отходитъ ему».*

Ст. LVIII.

«*Оже холопъ бѣзая добудеть товару, то господину же и холопю, и долги, господину же и товаръ, а не лмчатися ею».*

Первая изъ приведенныхъ статей гласитъ, что тотъ, кто купить чужого холопа, не зная о томъ, что онъ чужой, долженъ отдать его настоящему хозяину, а доказавъ невѣденіе свое присягою, имѣеть въ свою очередь право требовать заплаченныхъ имъ денегъ отъ того, у кого онъ купилъ чужого раба. Если же покушникъ знаетъ, что онъ покупаетъ чужого раба, то лишается своихъ денегъ, но этимъ, кажется, и ограничивалась его отвѣтственность, опредѣленную же цѣну вѣроятно долженъ былъ во всякомъ случаѣ платить тотъ, кто продалъ заведомо чужого раба. Достоинно замѣчанія, что покушникъ чужого холопа могъ очистить себя личною присягою, между тѣмъ какъ покушникъ другихъ краденныхъ вещей ²⁾ долженъ былъ вести къ присягѣ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника. Кажется, это можно объяснить тѣмъ, что холопъ, о покупке котораго шло дѣло, могъ самъ засвидѣтельствовать незнаніе того, кто купилъ его.

Слѣдующія за тѣмъ три статьи: LII, LIII и LIV, составляютъ какъ-бы одно отдѣльное постановленіе, опредѣляющее правила о побѣгѣ рабовъ и возвращеніи ихъ хозяину. Смыслъ этихъ правилъ тотъ, что когда кто объявитъ о побѣгѣ холопа, то никто, *зная и еддакъ*, что холопъ есть бѣглый, не долженъ держать его у себя, давать ему пищу или *указывать путь* къ дальнѣйшему побѣгу. Въ противномъ случаѣ виновный обязанъ будетъ заплатить хозяину такую же сумму, какъ и за убійство ра-

¹⁾ Эверсъ переводитъ это непонятное для меня выраженіе словами: или подастъ ему вѣсть. Если бы можно было вмѣсто «*поести дѣтъ*» поставить *поести дастъ*, то смыслъ былъ бы совершенно ясенъ.

²⁾ Сравн. выше, замѣчаніе на ст. VIII.

ба ¹⁾, т. е. за холопа 5, а за рабу 6 гривенъ ²⁾. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ обманчивый могъ очистить себя присягою въ томъ, что онъ не зналъ встрѣтилъ, накормилъ и держалъ у себя чужого раба: тогда онъ освобождался отъ всякой платы.

Съ другой стороны опредѣлено было, что тотъ, кто принялъ чужого бѣглаго раба и далъ о томъ знать его господину, получалъ въ вознагражденіе гривну (за переемъ); но ежели перевавший не сумѣлъ уберечь бѣглаго холопа и тотъ опять бѣжалъ, то онъ подвергался такому же взысканію, какъ за поворовку и помощь, оказанная завѣдомо бѣглому рабу, за вычетомъ только слѣдовавшей ему переменной гривны, т. е. онъ платилъ за холопа 4, а за рабу 5 гривенъ. Не лучше ли было, для избѣжанія столь строгаго взысканія, отвести бѣглаго раба къ его настоящему владѣльцу и получить съ него гривну переема?

Послѣдняя наконецъ изъ прописанныхъ статей (LVIII) содержитъ постановленіе, которымъ хозяину бѣглаго раба не только предоставлено было право получить его обратно, но вмѣстѣ съ тѣмъ взять и все имъ пріобрѣтенное во время бѣговъ. Впрочемъ, изъ словъ: *«хозяину ове и дали.....а не лишатся ове»*, можно предполагать, что этотъ же хозяинъ обязанъ былъ заплатить и долги, сдѣланные бѣжавшимъ рабомъ его.

Кромѣ рассмотрѣннаго уже способа отысканія утраченной тѣмъ или другимъ образомъ собственности, кромѣ такъ называемаго свода, одна изъ статей Русской Правды содержитъ еще указаніе и на другой способъ, который могъ быть употребленъ тогда, когда не было возможности сдѣлать сводъ. Для того, чтобы установить сводъ, надобно было хозяину утраченной или украденной вещи опознать ее въ чужихъ рукахъ, найти ее лицомъ. По утраченной какою-либо вещь, — была ли она у него украдена, или просто потерялась, не всегда и не вдругъ могъ увидѣть ее въ чужомъ владѣніи. Между тѣмъ могли остаться какіе нибудь признаки или слѣды, по которымъ представлялась возможность къ отысканію пропажи. Законъ, заботясь о томъ, чтобы каждый владѣль и пользовался вещію, ему принадлежащею, не только предоставляетъ

¹⁾ Въ этомъ именно я вижу опроверженіе предположенія Эверса, что тотъ, у кого находился чужой рабъ, могъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы вывести его изъ своего дома. Это значило бы почти тоже, что показать ему дорогу. Здѣсь также нахожу я подтвержденіе моему предположенію, что бѣглаго раба надобно было бы отвести къ его хозяину.

²⁾ Сравни. ст. LXXXII и LXXXIV.

хозяйну утраченной, и въ особенности украденной, вещи право *знать по следу*, для отысканія ея, но еще возлагаетъ въ извѣстной мѣрѣ обязанность принять въ этомъ участіе и на постороннихъ людей, которые, если этого не захотятъ сдѣлать, могутъ даже подвергнуться определенной отвѣтственности. На это указывается именно

Ст. СXXX.

«А не будетъ ли татя, то по следу иступитъ. Аже ли будетъ следъ¹⁾ или къ салу или къ товару²⁾ а не отсочати отъ себе следа и не идути на следъ, или отобоятся, тѣ татятъ властити и татябу и продаютъ, а следъ итати съ чужими людьми и послузати. А аже неубытъ следъ на юстимци²⁾ на салу, а

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто «аже ли будетъ следъ», читаемъ «не будетъ ли следа»; но примемъ ли то или другое чтеніе, смыслъ будетъ одинъ и тотъ же.

²⁾ Эверъ переводитъ это слово словомъ Waage (имущество, имѣніе — das ält. R. d. R. S. 331), Раковецкій словомъ *таборъ* (tabor — Pr. R. т. II, стр. 93 и 143, прим. 69). Послѣдній переводъ мнѣ кажется удачливѣе. Хотя конечно словомъ *товаръ* очень часто въ Русской Правдѣ обозначается имущество движимое, но оно могло имѣть и другое значеніе, именно такое же, какое имѣетъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Тамъ товаромъ называется домашній скотъ, преимущественно рогатый, иногда однако этимъ же словомъ, въ особенности во множественномъ числѣ, обозначаются предметы торговли, такъ напр. говорится: *купцы приехали съ товарами или съ товаромъ*. Извѣстно также, что въ степныхъ мѣстахъ южно-русскихъ губерній выкармливаются огромныя стада рогатаго скота (товара), для чего обыкновенно люди, занимающиеся этимъ дѣломъ, — *пастухи*, удаляются во внутренность степи, устраиваютъ тамъ на цѣлое лѣто временное для себя и для скота помѣщеніе или таборъ. Конечно тоже самое бывало и въ старину. И такъ можно думать, что выраженіе: *аже ли будетъ следъ или къ салу или къ товару*, значить: *будетъ ли следъ вести къ салу или къ тому мѣсту, идъ пастся товаръ*, т. е. къ пастушескому табору.

²⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что слово *юстимецъ* значить тоже что польское *goscinięc*, т. е. большую дорогу (*wielki goscinięc*), а не постоялый дворъ, гостиницу, какъ думали нѣкоторые. (Ср. Раков. Pr. R. т. II, стр. 143, прим. 71. Ewers d. ält. R. d. R. S. 340, Anm. 29.)

*«села не будетъ, или на пустъ, гдѣ же не будетъ ни села ни лю-
а дѣи, то не платити ни продажо, ни тѣмъбы».*

Смыслъ этого постановленія есть тотъ, что когда воръ не-
известенъ, то хозяинъ украденной вещи долженъ отыскивать его
по нѣкоимъ слѣдамъ, въ сопровожденіи свидѣтелей и сторон-
нихъ людей. Если слѣдъ приведетъ къ селу или къ пастуше-
скому табору, то люди, къ жилищу которыхъ слѣдъ привелъ, обя-
заны были отвести его отъ себя, показавъ хозяину, отыскивав-
шему вещь свою, что слѣдъ ведетъ дальше, и вмѣстѣ съ нимъ от-
правиться по этому слѣду отыскивать вора. Если же люди,
къ жилищу которыхъ слѣдъ привелъ, не отвѣдутъ его отъ себя, не
захотятъ идти на слѣдъ или станутъ насильственно отъ него от-
биваться, то должны будутъ заплатить хозяину украденной вещи
цѣну ея, а князю продажу. Между тѣмъ отыскивающій вещь
свою юнитъ слѣдъ далѣе съ чужими людьми и съ послухами. Но
если бы вмѣстѣ съ нимъ отправились отыскивать вора и тѣ люди,
къ жилищу которыхъ слѣдъ первоначально привелъ, и если бы ока-
залось, что слѣдъ пропадалъ на большой дорогѣ или на нустомъ
мѣстѣ, гдѣ не было ни села, ни людей, то они освобождались
уже отъ всякой отвѣтственности.

Въ связи съ этимъ постановленіемъ состоитъ то, на которое
я уже имѣлъ случай указать выше, именно о ловлѣ въ чужихъ
дачахъ (ст. СХХІV). Хотя разсмотрѣнное правило о слѣдѣ, пото-
му-что оно въ нѣкоторыхъ спискахъ помѣщено непосредственно
послѣ статьи о бобрѣ и рясоманной борти¹⁾, можетъ подать по-
водъ думать, что оно относилось къ этимъ только слу-
чамъ, гораздо однако натуральнѣе предположить, что это сое-
диненіе двухъ различныхъ статей, подобно тому какъ и во мно-
гихъ другихъ мѣстахъ, произошло отъ невѣденія позднѣйшихъ
переписчиковъ и что постановленіе о слѣдѣ могло имѣть общее
примѣненіе во всѣхъ случаяхъ, когда надобно было отыскивать
неизвестнаго вора. Кажется, что гнать по слѣду было древнѣйшимъ
кореннымъ обычаемъ у Славянъ вообще и что обычай этотъ на-
шелъ для себя выраженіе въ ихъ законодательствахъ. Такъ въ
древнѣйшемъ сборникѣ польскаго законодательства, именно въ Ста-
тутѣ Вислицкомъ Казимира В., находится постановленіе²⁾, что
если кто ночью станетъ звать сосѣдей, чтобы они помогли ему
гнать по слѣдамъ вора, укравшаго лошадь, и если они отнажутъ-

¹⁾ Сравни. у Раковецкаго Pr. R., т. II., стр. 92—94; у Эверса
(переводъ Платонова) стр. 405 и 406.

²⁾ Volumina Legum, t. I. fol. 23; у Раков. Pr. R. т. II., стр. 94.

ей дать требуемую помощь, то обязанности будут заключать кѣму украденной лошади хозяину ея. Гораздо замѣчательнѣе постановленія о сѣдлѣ, встрѣчаемыя въ Статутѣ Литовскомъ, именно въ томъ отношеніи, что статья Русской Правды объ этомъ же предметѣ, вошла въ нихъ, можно сказать, цѣликомъ и только распространена нѣкоторыми позднѣйшими дополненіями. Не лишнимъ считаю привести эти постановленія въ переводѣ на русскій языкъ. *Если бы украдены были лошади, волы, скотъ и другія вещи, съ домъ или другомъ какою мѣстью, а потерпевшій убытокъ нашелъ бы слѣдъ своей пропажи, то, собравъ добрыхъ людей, околныхъ соседей, имѣющихъ око, по древнему обычаю, итти слѣдъ. Если бы слѣдъ итотъ пришелъ къ селу или чьему-либо дому, то отыскивающей вещь свою долженъ послать туда стороннихъ добрыхъ людей, заслуживающихъ доверія съ тѣмъ, чтобы люди, къ жилищу которыхъ слѣдъ пришелъ, приняли его, такъ сказать, отъ тѣхъ, которые его имѣли (и tej кору wziąć), и отвезли его отъ своего села, дома или замка до соседней мѣжи, куда слѣдъ пойдетъ. Если же люди того села, куда слѣдъ пришелъ, отъ себя его не отведутъ или отобьютъ отъ слѣда тѣхъ, которые его имѣли, или же, выгнавъ скотъ, заточатъ слѣдъ, то тѣ люди (та кора), которые слѣдъ имѣли, должны останутся на томъ мѣстѣ, откуда слѣдъ не былъ отвезенъ далее или на которомъ отъ слѣда отбивались, призвать возлюбленную (судебнаго служителя) и вмѣстѣ съ нимъ оцѣнить потерю вещь свою. Потерпевшій убытокъ (szkodnie) долженъ самъ - третьей (т. е. съ двумя свидѣтелями) дать присягу съ томъ, что онъ действительно потерялъ его. Послѣ того, то село, которое отъ себя слѣда не отвело, должно заплатить возлюбленной убытокъ ея, а само отыскивать виновнаго¹⁾.*

Мы имѣли возможность убѣдиться, что постановленія Русской Правды, илгющія въ виду огражденіе движимаго имущества отъ тайнаго его похищенія, довольно многочисленны и обнаруживаютъ особенную заботливость законодателей объ этомъ имуществѣ вообще и о нѣкоторыхъ предметахъ его въ особенности. Достоинно однакожь вниманія, что о другихъ видахъ противозаконнаго чужимъ имуществомъ завладѣнія, напримѣръ, о насильственномъ завладѣніи, Правда умалчиваетъ совершенно. Нельзя ли объяснить себѣ это молчаніе предположеніемъ, что, по духу того времени, каждое явное насильственное дѣйствіе со стороны наступающаго давало право къ такому же насильственному дѣйствію со стороны обороняющагося и что это могло имѣть послѣдствіемъ преступленіе; которое

¹⁾ Stat. Lit. Rozdz. XIV. art. 9, §§ 1 и 2.

ближе касалось особы, нежели имущества частного лица, — побой, равы, увѣче и смертоубійство?

О противозаконномъ пользованіи чужою движимою собственності также ничего почти не говорится, за исключеніемъ одной статьи, которая указываетъ на особенный случай.

Ст. СХV.

«А оже кто есладеть на чужое конь, не промает, то за не *«3 гривны продаемъ»* ¹⁾).

И такъ за то, что кто-нибудь поѣдетъ на чужомъ конѣ, не просивъ позволенія хозяина, онъ долженъ былъ заплатить такую же пеню, какъ и за вражу этого же коня. Это кажется довольно страннымъ. Но странность эта исчезаетъ отчасти, если мы (какъ это уже сдѣлали и многие другіе) ²⁾ допустимъ, что законъ этотъ не есть произведение туземное, русское, но что онъ заимствованъ отъ Норманновъ, у которыхъ, какъ людей по преимуществу военныхъ, конь, — эта, можетъ быть, лучшая половина всадника ³⁾, могъ имѣть особенную цѣнность, а ѣзда на чужомъ конѣ, безъ дозволенія хозяина, могла считаться важною обидою. Допустить это мы можемъ, не опасаясь нисколько за самостоятельность древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, самостоятельность весьма очевидную, а допустить должны потому, что самая редакція приведенной статьи представляетъ не одно случайное сходство съ законами народовъ германскаго племени ⁴⁾. Въ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто 3 гривны значится одна гривна. Сравни. изд. Калацова, стр. 122.

²⁾ Напр. Струбе, Карамзинъ, Чацкий и др. Сравни. Rakow. Pr. R. т. II, стр. 57, примѣч. f.

³⁾ Такъ думалъ извѣстный генералъ Жюшени.

⁴⁾ Сравни. текстъ нашей статьи съ постановленіями нижеслѣдующими: *Legis Francorum Salicae*, tit. XXVI. «*Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, et eum caballaverit, DC den., qui faciunt sol. XV, culpabilis judicetur, et pro eo, qui ascenderit, similiter alios XV solidos solvat.* *Legis Ripuariorum*, tit. XV. «*Si quis caballum extra consilium domini sui ascenderit, et triginta solidis culpabilis judicetur.* (*Leges Francorum Salicae et Ripuariorum*, ed. Eccardi, 1720, fol. 51 et 219). Законъ ютландскій: «*Ritt jemand eines andern Mannes Perd, ane des sinen «Willen, deme dat Perd thohöret, de brikt davor dre Mark an den «Bonden.*» Объ этомъ законѣ Карамзинъ замѣчаетъ, что хотя ютландское уложеніе позднѣе Ярославова, но во всякомъ случаѣ сходство нѣкоторыхъ постановленій въ обоихъ документахъ

пользу этого говорить довольно убедительно и самое одиночество, отчужденность разсматриваемого нами постановления посреди других статей нашего памятника, которыя как члены одной семьи носят на себѣ признаки фамильнаго сходства, легко группируются и удаляются от постановлений, случайно въ них вступившихъ.

Къ разряду разсматриваемыхъ мною мѣръ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ принадлежатъ еще нѣкоторыя постановленія Правды, указывающія на случаи уничтоженія и порчи чужого движимаго имущества.

Ст. CI.

«Аще кто пакощами порѣжетъ ¹⁾ конь или скотнику, за то «продаже 12 гривен, а за пазубу юсподину гривна, а урокъ платити».

Ст. CII.

«Аже ли кто постычетъ верю или перетнетъ вервь въ перевьсь, «то 3 гривне продаже, а юсподину за верю и за вервь гривна кунъ ²⁾».

Ст. CIII (въ двухъ вариантахъ).

а. *«Аже кто борть подѣтнетъ, то 3 гривны продаже, а за де-«рево полгриванъ».*

б. *«А ес кляжь борти 3 гривны, любо пожгутъ, любо изодрутъ, «а ес смерди 2 гривны».*

Ст. CI.

«А иже изломитъ конье, любо щитъ, любо шертъ, а начнетъ

ваетъ, что какъ то, такъ и другое образовались подъ влияніемъ древнѣйшихъ скандинавскихъ законовъ. Ист. Гос. Рос. 1 изд., т. II, стр. 55 и 362, прим. 91. Сравн. Раков. Рг. R. т. II, 57, пр. f.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ *зарѣжетъ*. Ср. изд. Калач., стр. 118.

²⁾ Слово *верель* (по-польски *wierzeja*) значитъ *дверь* или *ворота*; на малороссійскомъ же нарѣчій *вирья* (мн. ч. *вирья*) значитъ *жерди*, *шесты*. Слово *перевьсь* или *перевьсь*, встрѣчающееся и въ Статутѣ Литовскомъ, означало, какъ можно догадываться, ограду, въ которой хранились домашнія, а можетъ быть, и пойманныя дикія птицы подъ сѣтлю. Иногда также этимъ словомъ означено было мѣсто, гдѣ содержались охотничьи собаки, ястребы и т. д. И такъ, можно, кажется, статью эту перевести такъ: *«Если кто изрубитъ дверь въ перевьсь (т. е. въ птичьемъ дворѣ) или перерѣжетъ веревку (на которой держится покрывающая ограду перевьсовая сѣть), то долженъ заплатить 3 гривны продажи, а хозяину за дверь и за веревку гривну кунъ».* Ср. Раковецкаго Рг. R. т. II, стр. 144, прим. 72.

«*своими его держати у себе, то прияти скота* ¹⁾ у него; а *макс есть изломил, аще ли начеть приимати, то скотомъ ему за- платити колько далъ будетъ на немъ.*»

Вникая въ содержаніе прописанныхъ статей, мы видимъ, что законъ ясно отличаетъ злонамеренное (*накостное*) истребленіе и порчу имущества отъ неумышленного, а вслѣдствіе того устанавливаетъ и различныя взысканія, которыми во всякомъ случаѣ надаютъ на истребляющаго или портящаго чужую вещь. Главное различіе состоитъ въ томъ, что умышленное истребленіе или порча чужой собственности подвергаютъ виновнаго не только уплатѣ хозяину, потерпѣвшему убытокъ, цѣны истребленныхъ или испорченныхъ вещей, но еще виновный долженъ заплатить тому же хозяину гривну или полъ-гривны (смотря по различію предметовъ) за нанесенную ему обиду и кромѣ того продажу князю отъ 12 до 3 или 2 гривенъ; между тѣмъ какъ испортившій неумышленно чужія вещи обязанъ только заплатить хозяину ихъ то, чего онъ ему самому стоили. Такимъ образомъ злонамеренно зарѣзавшій (а можетъ быть, и порѣзавшій только) ²⁾ чужую скотину платитъ князю 12 гривенъ, а хозяину гривну *назубы*, да сверхъ того цѣну зарѣзанной скотины. За злостное посѣченіе *перевѣси* или *перевѣсной* веревки виновный платитъ 3 гривны пени и гривну хозяину за нанесенный убытокъ. Умышленно подрубившій, пожогшій или ободравшій бортное дерево платитъ, если борть была княжеская, 3 гривны, если же она принадлежала смерду, 2 гривны пени, да хозяину за самое дерево полъ-гривны вознагражденія. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что имущество, князю принадлежащее, имѣло въ глазахъ закона большую цѣнность, нежели имущество простолюдина. Здѣсь находимъ опять подтвержденіе этому.

Въ послѣдней изъ приведенныхъ статей (LI) рѣчь идетъ, кажется, о предметахъ, данныхъ въ ссуду или на подержаніе, именно о конѣ, щитѣ и платьѣ. Тотъ, кто ими былъ осуженъ, конечно долженъ былъ возвратити ихъ хозяину въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ихъ получилъ; если же онъ ихъ тѣмъ или другимъ образомъ испортилъ, то могъ оставить ихъ у себя или отдать назадъ хозяину; но въ обоихъ случаяхъ обязанъ былъ заплатить послѣ-

¹⁾ *Скотъ* — *ресня*, *ресница*.

²⁾ Въ Малороссіи и теперь въ большомъ ходу обычай, что хозяинъ, въ котораго огородъ или поле повадится ходить чужая скотина, преимущественно самныи, поймавъ эту скотину, подрѣзываетъ ей т. наз. *осможи*, т. е. сухія жилы на заднихъ ногахъ, отъ чего скотина навсегда остается калѣкою.

двему цѣну испорченныхъ предметовъ. Надобно впрочемъ сознаться, что различные варианты этой статьи могутъ подать поводъ къ различному ея толкованію.

Таковы были мѣры огражденія имущества наличнаго. Я бы считалъ изслѣдованіе свое неполнымъ, если бы не указалъ еще на тѣ постановленія древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, которые имѣютъ въ виду обезпеченіе имущества долговаго.

Прежде всего Правда объявляетъ, что человекъ, который, задолжавъ, бѣжитъ въ чужую землю, считается лишеннымъ довѣрія, наравнѣ съ воромъ. На это указываетъ именно

Ст. CXVI.

«Оже человекъ помаже куны у людей, а побѣжитъ въ чужую землю, стры ему не яти, какъ и татю.»

Далѣе мы встрѣчаемъ постановленія, опредѣляющія общія правила займовъ между людьми свободнаго состоянія и особенныя для лицъ, занимающихся торговлею. Первые содержатся въ

Ст. XIII.

«Аже кто куны дастъ въ рѣвъ, или медь въ наставъ, или жито въ присонъ, то послужы ему наставити, како ся съ нимъ будетъ ардыли, тако оже ему и имати.»

Содержаніе этой статьи даетъ поводъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Не только деньги (куны, скоть), но и другія вещи, въ особенности произведенія сельскаго хозяйства (медъ, жито), могли быть предметомъ займа. Предметы эти при возвращеніи ихъ займодавцу въ опредѣленные сроки приносили ему извѣстную прибыль или наддачу (рѣвъ, наставъ и присонъ). Заемъ долженъ быть совершенъ при свидѣтеляхъ (вѣроятно двухъ), поставляемыхъ займодавцемъ, а условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія лицъ, участвовавшихъ въ немъ, какъ бы они ни были тягостны для должника. Изъ того, что займы совершаемы были при свидѣтеляхъ, можно также заключить, что письменная форма договора не была еще въ употребленіи. Впрочемъ, судя по отрывку XIV статьи, который относится уже къ взысканію по долговымъ обязательствамъ, можно думать, что отъ воли займодавца зависѣло отдать деньги въ заемъ при свидѣтеляхъ или безъ нихъ; а въ займахъ незначительныхъ, цѣною до 3, гривень включительно, вовсе даже не требовалось послуховъ.

Относительно купеческихъ займовъ, особенное правило, совершенно отличное отъ правила общаго, устанавливаетъ слѣдующая статья Правды:

Ст. XI.

«Аже ли кто купецъ а купцо дастъ въ кунью куну, или въ

*«гостью, то купца перед послужу кунь не имати, и послуси ему
«не надобь, не ити ему самому ротъ, оже ся почеть замирати».*

Отсюда видно, что купцы въ долговыхъ обязательствахъ между собою не нуждались въ санкціяхъ, какъ бы ни великъ былъ заемъ. Занимодавецъ могъ всегда запирающагося должника принудить къ уплатѣ долга, присягнувъ лично въ томъ, что онъ дѣйствительно далъ въ заемъ известное количество денегъ. Такимъ образомъ отъ лицъ торговаго званія требовалось и болѣе взаимнаго довѣрія, и болѣе добросовѣстности въ платежѣ долговъ. Замѣтимъ наконецъ, что въ прописанной статьѣ указывается на внутреннюю и внѣшнюю торговлю (купля и гостьба).

Далѣе Правда устанавливаетъ общія и особенныя мѣры взыска-
нія по долговымъ обязательствамъ. Сюда относятся:

Ст. СXXXVI (въ двухъ вариантахъ).

а. *«А оже кто взыщетъ кунь или скота на друзъ, а онъ ся
«начеть замирати, то оже нань выведетъ послуси, то тии поидуть
«на роту, а онъ взметъ свое кунь, занеже не далъ ему есть кунь
«за мною лѣтъ, то платити ему за обиду ту 3 триакы».*

б. *«Аже идъ взыщетъ кто на друзъ прочь, а онъ ся замирати
«почеть, то ити ему на изводъ предъ 12 челоука, да еще обидя
«не едалъ будетъ, достойно ему свои скотъ, а за обиду 3 триакы».*

Ст. XIV.

*«А послужоу ли не будетъ, а будетъ ли кунь 3 триакы, то
«ити ему про свое кунь ротъ, будетъ ли болѣе кунь, то речи ему
«такко: промиловался еси, оже еси не поставилъ послужоу».*

Ст. LV.

*«Аще кто млатимъ долженъ будетъ, а придетъ юсть изъ иново
«града, или чюажъ земеца; не едалъ запустить за нею товаръ¹⁾, и
«не хочеть юстью дати кунь, а первыи должникки начнутъ ему за-
«внати, тогда вести его на торъ и продати, и дати прежде ино-
«земцу, а домашнимъ что ся останется мнѣ подъять. Аще за
«нимъ будутъ кляжи кунь, то кляжю кунь предъ имати, а прочее
«еъ дѣль; а кто мною рѣза имѣе, тому не имати кунь»*

Ст. XII.

*«Аже котарый кунецъ, шедъ, кдѣ либо съ чучими кунями, и
«чистопитъся, либо рать взметъ, а либо онъ, то не насилити
«ему, ни продати, его, но како почеть мочи отъ лѣта платити,
«таккоже и платитъ; занеже пазуба отъ Бога есть, а самъ не ви-*

¹⁾ Здѣсь слово *товаръ* употреблено въ значеніи предметовъ тор-
говли.

*«ловати сою. Осе ли прольетса или пробіетса¹⁾, а се тамъ
«безуміи чююю товаръ испортитъ, то како любо тѣмъ чюе то кунъ,
аждутъ ли ему, а сою имъ соля, продадутъ ли ю, сою имъ соля».*

Первыя двѣ изъ приведенныхъ статей имѣютъ въ виду тотъ случай, когда должникъ отпирается отъ своего долга и не хочетъ платить займодавцу. Займодавецъ долженъ тогда вести отвѣтчика передъ 12 мужей²⁾, поставить тѣхъ свидѣтелей, которые были при заключеніи условія займа, и ежели они объявятъ о томъ подъ присягою, то займодавецъ получаетъ свои деньги и сверхъ того 3 гривны за обиду, если должникъ въ теченіе многихъ лѣтъ не платилъ ему долга. Впрочемъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, ежели заемъ былъ не болѣе 3 гривенъ, то, какъ при совершеніи его, такъ и при взысканіи, свидѣтелей не требовалось, подобно тому какъ не требовалось ихъ и во взаимныхъ долговыхъ обязательствахъ между кушцами: въ этихъ случаяхъ истецъ самъ долженъ былъ утвердить своею присягою справедливость своего притязанія. Но ежели заемъ, цѣною выше 3 гривенъ, совершенъ былъ безъ свидѣтелей, а должникъ въ послѣдствіи времени сталъ отпираться отъ своего долга, то неосторожный кредиторъ долженъ былъ потерять искъ свой и такимъ образомъ наказываемъ былъ за свою милость или снисходительность. *«Промыловалса еси, осе еси не поставилъ послухою»,* говорить ему законъ устами 12 мужей.

За тѣмъ въ ст. LV и XII заключаются правила о несостоятельныхъ должникахъ и конкурсѣ. Замѣтимъ прежде всего, что въ этихъ правилахъ не упоминается вовсе о ложной несостоятельности или злостномъ банкротствѣ: конечно это преступленіе не было еще известно безхитростнымъ людямъ того времени и составляетъ жалкую принадлежность позднѣйшихъ, болѣе образованныхъ вѣковъ. Но Правда весьма ясно различаетъ несостоятельность, происшед-

¹⁾ Раковецкій переводитъ это слово *проираетса*, основываясь на томъ, что и теперь у простаго народа въ употребленіи многія игры, при которыхъ имѣетъ мѣсто *битва*, *біеніе*; напр., когда *бьются* объ закладъ, *бьются* на кулачки, *бьются* лица на праздникъ Воскресенья Христова, *бьются* бабки и т. п. Сравни. Rakowiecki, Pr. R. т. I, стр. 20, т. II, стр. 96 и 77, также 141, примѣчаніе 58.

²⁾ Эверсъ думаетъ, что эти 12 мужей были избираемы изъ среды всего общества (своего міра) и что они представляли собою это общество. Въ нихъ также видятъ онъ начало суда присяжныхъ. Сравни. Das älteste Recht der Russen. S. 300 и 301.

ную отъ какого-нибудь несчастнаго случая, и несостоятельность, которой причиною была ижевшая неосторожность должника. Въ первомъ случаѣ, когда причиною несостоятельности было несчастье, напримеръ, потопленіе, пожаръ или ограбленіе купца военными отрядами, законъ воспрещаетъ заимодавцамъ употребить какихъ-нибудь побудительныхъ мѣръ противу несчастнаго должника, а тѣмъ болѣе продавать его для своего удовлетворенія, поставивъ ивъ на видъ начала христіанской религіи и вѣру въ Провидѣніе (*«законъ являюща отъ Бога есть, а самъ не смозвети есть»*). Однакожь несостоятельный должникъ, сдѣлавшійся таковымъ по какому-нибудь несчастному случаю, не освобождается вовсе отъ платежа своимъ кредиторамъ, напротивъ, онъ долженъ быть (вѣроятно, по взаимному соглашенію съ заимодавцами) разложить платежъ на извѣстное число лѣтъ и улачивать ежегодно или въ опредѣленные сроки положенную при раскладѣ сумму, пока не заплатитъ долга своего сплозна.

Такимъ образомъ въ постановленіи о несчастномъ несостоятельномъ должникѣ видно, съ одной стороны, желаніе обезпечить цѣлость имущества заимодавца, съ другой, состраданіе къ несчастію и желаніе облегчить синсходительностію участь должника. Оба эти начала еще явственнѣе обнаруживаются въ правилахъ о несостоятельности, происшедшей отъ собственной вины или неосторожности должника; но и здѣсь также чувство состраданія беретъ верхъ надъ строгостію, которой заслуживаетъ промотавшійся планикъ или игрокъ—должникъ. Законъ какъ-будто не рѣшается отказать заимодавцамъ въ средствахъ удовлетворенія себя и предоставляетъ имъ право продать даже для этой цѣли несостоятельнаго должника; но, съ другой стороны, онъ намеряетъ имъ и на то, что они могутъ отсрочить взыскаііе и дать такимъ образомъ должнику время къ исправленію себя и своихъ торговыхъ обстоятельствъ (*«како любя тѣмъ чье то куны-одуть ли ему, а сола съимъ сола; продаати ли его, а сола имъ сола»*). Какая утѣшительная равнина между постановленіями древнѣйшаго памятника русскаго законодательства и постановленіями безчеловѣчно строгихъ римскихъ децемвировъ!

Есть однако случай, когда законъ обнаруживаетъ болѣе настойчивости во вѣисканіи долга, именно когда въ числѣ заимодавцевъ несостоятельнаго должника есть гость изъ чужаго города или чужеземець. Чувство національной гордости, столь сильно развитое теперь во всѣхъ народахъ славянскаго племени, было, какъ видно, не менѣе сильно и въ древнѣйшемъ періодѣ ихъ общественной жизни. Это-то чувство похвальной гордости въ соединеніи съ

правилами гостеприимства и желание показать чужеземцамъ, что они ни въ какомъ случаѣ не должны бояться за цѣлость своего имущества, были конечно руководительною мыслью законодателя при установленіи слѣдующаго правила: если чужеземецъ, не зная о критическихъ обстоятельствахъ торговца, отпустить ему товаръ, за который тотъ не въ состояніи будетъ заплатить, будучи должнымъ многимъ другимъ заимодавцамъ, требующимъ также удовлетворенія, то несостоятельнаго должника надобно продать на торгу и удовлетворить прежде всего претензію иностранца, потомъ заплатить долгъ князя (если бы былъ таковой долгъ), остальное же раздѣлить между своими, домашними заимодавцами, вѣроятно, соразмѣрно капиталу каждаго. Тотъ однакоже изъ заимодавцевъ, который бралъ слишкомъ много процентовъ, въ случаѣ открывшейся несостоятельности должника и конкурса, не имѣлъ права на дальнѣйшее удовлетвореніе ¹⁾).

И такъ, основное правило конкурсовъ было то, что претензія князя, а если былъ иностранецъ, то прежде еще его претензія, удовлетворима была сполна; остальные же туземные заимодавцы, исключая слишкомъ корыстолюбивыхъ ростовщиковъ, дѣлили остатокъ суммы, вырученной за продажу несостоятельнаго должника, сообразно величинѣ капитала каждаго изъ нихъ ²⁾).

Подобно тому какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ обезпеченію долговыхъ обязательствъ, Правда устанавливаетъ особенныя правила о долгахъ, сдѣланныхъ людьми

¹⁾ Что значило: много процентовъ? На это вѣроятно надобно искать отвѣта въ постановленіи Владиміра Мономаха о рѣзѣ: ст. XV изд. Калацова, стр. 86.

²⁾ Въ такомъ же духѣ написаны нѣкоторыя статьи договора Мстислава Давидовича съ Ригю и Готландіею, такъ что можно думать, что онѣ составлены были подъ вліяніемъ вышего памятника. Вотъ текстъ ихъ по изданію Раковецкаго (т. II, стр. 23 и 24): ст. 17. «*Аже Латвиини дати Роусини товаръ свой оу дѣлю, оу Смольски, заплатити Немчиноу, прѣдъ, хотя бы шизму кому оновати былъ Роусини: тако оузати Роусини оу Ризъ и на Готискомъ березѣ*»; ст. VII. «*Аже разишася Князь на своего чловека, а оудити вышати Немчиноу Роусинъ, а отплати Князь еси, а оосену и дати у холпство, первое платити іамоу Латвиини, а потомъ Князю какъ либо съ своимъ чловекомъ: такоу правду вѣзати Роусини оу Ризъ и на Готискъ березѣ*».

несвободными — холодами. Мы уже имѣли случай видѣть, говоря о возвращеніи бѣглыхъ рабовъ ихъ господину, что послѣдній получалъ при томъ добытый холопомъ его во время бѣговъ товаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя и всѣ долги его. Кромѣ этого постановленія есть еще другія, указывающія на обязанность господина платить долги за своего раба. Сюда относятся

Ст. LVH.

«Аже кто пуститъ холопа въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину, а не лишитися его.»

Ст. LVI.

«Аче же холопа кдѣ купи вложитъ,¹⁾ а онъ будетъ не вдала «едала, то господину выкупати и, али лишитися ему ея; вдала али будетъ едала купя, то купя ему лишитися.»

И такъ кто дозволилъ своему холопу заниматься торговлею, тотъ обязанъ былъ платить за него всѣ долги. Выраженіе: «выкупати его господину, а не лишитися его», скорѣе указываетъ, по моему мнѣнію, на обязательство господина выкупать задолжавшаго раба, нежели на право не лишитися его. Но если бы даже рабъ, не имѣющій позволенія отъ своего господина на производство торга, взялъ у кого-нибудь деньги подъ видомъ свободнаго человека, а заимодавецъ не зналъ дѣйствительно о томъ, что онъ даетъ деньги рабу, то и въ такомъ случаѣ хозяинъ раба долженъ или выкупить его, или предоставить въ распоряженіе заимодавца. Напротивъ, ежели заимодавецъ зналъ, что онъ даетъ деньги чужому холопу, то онъ лишался возможности получить ихъ обратно.

Наконецъ къ мѣрамъ огражденія долговыхъ обязательствъ надобно отнести постановленія, опредѣляющія взаимное обезпеченіе закупа и его господина. Мы видѣли уже, что закупъ, взявшій известную сумму денегъ у своего господина, долженъ былъ въ теченіи опредѣленнаго времени заслуживать долгъ свой. Ежели онъ въ продолженіи этого времени бѣжалъ отъ господина, то, бывъ пойманъ, обращался за наказаніе въ полного, обильнаго холопа. Но не каждая отлучка закупа, хотябы даже и самовольная, считалась побѣгомъ, за который господинъ имѣлъ бы право поработить его. Напротивъ, ежели закупъ явно отлучается для взысканія долговъ или же уходитъ по причинѣ обидъ, наносимыхъ ему господиномъ его, ища правды у князя, или у судьи (быть можетъ, также у 12 мужей), то законъ предписываетъ «дать ему правду». Ежели въ особенности закупъ докажетъ что господинъ

¹⁾ Въ некоторыхъ спискахъ написано: «вложитъ». Это, кажется, правильно. Ср. изд. Калачова, стр. 100.

продать его под видомъ своего раба другому, то онъ освобождается отъ дальнейшей выслуги и уплаты, взятыхъ имъ въ заемъ денегъ, и сверхъ того господинъ обязанъ заплатить за такую обиду, нанесенную свободному человѣку, 12 гривенъ продажи: безпристрастіе закона, достойное удивленія нашего времени. Изложенныя начала заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. XVII.

«Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обьяль. Идетъ ли искать акупъ, а лаврно ходитъ, или къ князю, или къ судіамъ бѣжитъ, обыады для своего господина, то ему про-то не работати оу, но да-ати правду ему».

Ст. XX.

«Продаетъ ли господинъ закупъ обьяль, то и каммету свобода а въ есъкъ купалъ, а господину платити за обиду 12 гривенъ про-а даже».

Таковы были мѣры огражденія долговыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе моего изслѣдованія скажу еще, что древнѣйшее русское законодательство не оставило безъ вниманія имущество малолѣтнихъ и постановило мѣры для охраненія его отъ растраты тѣми лицами, которыя должны были заботиться объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ. Постановленія, сюда относящіяся, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. LXVIII.

«Аже ли будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а не дѣже а (дужи) ся будутъ сами собою печеловати, а мати имъ поидеть а за мужъ, то кто имъ ближше будетъ, тому же дати изъ на аруцъ и съ добыткомъ. и съ домою, доналже возмоутъ. А то-а варъ дати имъ передъ добрыми людьми, а что съ рязитъ това-аромъ тѣмъ, или приоститъ, то ему собъ, а истый товаръ во-а ротитъ ему имъ, а прикупъ ему собъ, занеже дѣтъ крмилъ и а печаловался ими. Аже ли отъ чалды пльбѣ, или отъ екота, то а то все поимати лицемъ; что ли будетъ истерялъ, то то ему все а платити дѣтемъ тѣмъ».

Ст. LXIX.

«Аче же и отъчимъ приметъ дѣти тѣ съ задницю, и то а такоже имъ ѣсть рлѣ, акоже ся изрядилъ; а дворе безъ дѣла а томъ всяко мѣшиему сыномъ».

Ст. LXX.

«А ежели жена вретъся съдѣти по мужи, а ростерлетъ а добытокъ и паки поидеть за мужъ, и то платити ей все дѣтемъ».

Отсюда явствуетъ, что, была ли опекуншею мать или опекуномъ ближайшій родственникъ, или наконецъ вотчимъ,—во вся-

комъ случаѣ имущество малолѣтнихъ было обезпечено. Ближе всего разумѣется, опека надъ дѣтьми должна была принадлежать оставшейся въ живыхъ матери, но если она, находясь во вдовствѣ, растратила ихъ имущество и потомъ вышла опять за-мужъ, то должна была заплатить за все утраченное. Опекунъ,—родственникъ также обязанъ былъ вознаградить всѣ убытки, происшедшіе въ имуществѣ малолѣтнихъ во время его управленія; но въ вознагражденіе его за труды законъ предоставлялъ въ его пользу все, что было имъ приторговано или приращено къ имуществу малолѣтнихъ, поступившему въ его завѣдываніе, исключая приплодъ отъ скота и рабовъ, какъ независящій отъ воли и распоряженія опекуна, а отъ самой природы. Что касается до вотчина, то, кажется, онъ могъ быть опекуномъ малолѣтнихъ пасынковъ и падчерицъ своихъ (падчѣтей?) не иначе какъ по особому договору (раду), заключаемому между нимъ и добрыми людьми, при которомъ отдаваемо было имущество малолѣтнихъ, или между нимъ и родственниками. Условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія («*ako ose sa zradimъ*»), но конечно основаніемъ его служило то правило, что въѣренное опекуну имущество малолѣтнихъ должно быть возвращено имъ въ цѣлости по достиженіи совершеннолѣтія, въ противномъ же случаѣ надобно было записать всѣ убытки.

Закрѣвая листки древнѣйшаго памятника русскаго законодательства, доставившаго мнѣ главный матеріалъ для настоящаго труда, я не могу не высказать моего удивленія, что законодательство столь еще юное могло уже съ такою отчетливостію понимать частныя интересы и постановить столь полезныя мѣры для ихъ огражденія.